

ЗАПИСКИ ПАРТИЗАНА ДЕНИСА ДАВЫДОВА.

Воспоминанія о польской войнѣ 1831 года.

Читатели „Русской Старины“, безъ сомнѣнія, оживили въ своей памяти рыцарскій обликъ личности партизана Давыдова, по прочтеніи мастерски набросаннаго его сыномъ біографическаго очерка (см. въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 624 — 639). Нынѣ предлагаемъ „Записки“ партизана о польской кампаніи 1831 г. Этотъ историческій памятникъ созданъ бойкимъ, даровитымъ перомъ поэта и партизана въ 1836 г., слѣдовательно, по самымъ живымъ воспоминаніямъ о событіяхъ, въ которыхъ онъ, либо принималъ непосредственное участіе, либо слышалъ о нихъ, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ. Наблюдатель глубоко просвѣщенный, воинъ—безъ упрека, представитель бойцовъ славной памяти двѣнадцатаго года—Денисъ Давыдовъ—внесъ въ печатаемая нынѣ „Записки“ много мѣткихъ замѣчаній, полезныхъ даже теперь;—сорокъ лѣтъ спустя, послѣ того какъ были набросаны его замѣтки, онѣ не утратили своей свѣжести и интереса. Что касается до описанія событій, то оно отличается присущимъ таланту Давыдова свойствами: живостью разсказа, образностью выраженій, и тѣмъ увлеченіемъ, которое водило его къ побѣдамъ и открывало его своеобразную музу.

„Воспоминанія о польской войнѣ 1831 г.“ издавна извѣстны любителямъ новѣйшей отечественной исторіи по многимъ спискамъ. Они долго ходили по рукамъ, и нѣсколько списковъ перебивало и въ наше собраніи рукописей. Лучшій изъ нихъ, къ сожалѣнію, не полный, подаренъ намъ уважаемымъ Петромъ Павловичемъ Зуевъ, къ которому перешелъ отъ брата Д. П. Зуева, а къ тому, въ свою очередь, поступилъ отъ подпоручика корпуса путей сообщенія Нивцева († 1843 г.). Этотъ молодой человѣкъ былъ, если не ошибаемся, племянникомъ Д. В. Давыдова, и изъ кабинета дяди получилъ полный списокъ его записокъ, до восемнадцати небольшихъ трагедій. Весь этотъ манускриптъ разстратился у генералъ-лейтенанта

Серг. Гавр. Веселитскаго; уцѣлѣла лишь тетрадь въ 26 полулистовъ мелкаго, убористаго письма, находящаяся въ нашемъ распоряженіи.

Затѣмъ основнымъ спискомъ при изданіи мы приняли рукопись, сообщенную сыномъ партизана, Василиемъ Денисовичемъ Давыдовымъ. Списокъ этотъ, какъ свидѣтельствуетъ сообщившій его, снятъ съ подлинной рукописи автора.

Для удобства чтенія—мы раздѣлили весь рассказъ на главы. Въ концѣ записокъ приведены варианты изъ прочихъ списковъ и дополненія В. Д. Давыдова къ биографическому очерку, помѣщенному въ „Русской Старинѣ“, т. V, стр. 1624.

I.

Паденіемъ Наполеона заключилась великая эпоха войнъ, справедливо названная эпопеей военнаго искусства. Каждое государство, участвовавшее въ низверженіи завоевателя, требовало себѣ вознагражденія за убытки, понесенные въ теченіе тягостной и продолжительной войны. Норфриса исполнена была разорвана на части; Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были вознаграждены расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній Наполеона и его союзниковъ.

На долю главной виновницы сего чуднаго переворота—Россіи досталось герцогство Варшавское, облаченное отъ герцогства Познанскаго, доставшагося Пруссіи, Краковской области, признанной независимой, и округъ въ Галициі, вошедшій въ составъ австрійскихъ владѣній. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху вещественнаго и нравственнаго могущества Россіи, когда еще не остылъ пепель Москвы, курившійся на жертвенникѣ отечества и цѣлѣмъ 200,000 испытаннаго русскаго войска, предводимаго опытными и искусными генералами, сверкали на поляхъ Франціи, она могла приобрести несравненно болѣе того, что она получила; не взирая на хвастовство французовъ, Франція, сознавала себя гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ и Германія, утомленная своими собственными побѣдами.

Но великодушный государь нашъ удовольствовался лишь приобритеніемъ для Россіи полнаго права гражданства въ Европѣ, участія въ совѣщаніяхъ европейскихъ государствъ между собою и чужданаго шара на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мѣ-

ній, сошнѣмелей. Александръ I, сравнивнншь присоединеніемъ къ Россіи царства польскаго, хотѣлъ ввести здѣсь, въ видѣ опыта, тотъ родъ управленій, коимъ духъ возникъ послѣ паденія Наполеона (быть мавкаль себя надеждой, слѣдуя по противоположной стезѣ, древней и славы падшаго оовернива. Равдѣль Польки бывъ окончательдо ирианацъ и утверждень 21-го апрѣля (9-го мая) 1815 г. торжественнымъ актомъ, подписаннымъ уполномоченными трехъ державъ: Россіи, Австріи и Пруссіи. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи и царству польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіей: «Статья 5-я Герцогство Варшавское, за включеніемъ тѣхъ частей оного, о коихъ упомянуто въ предыдущихъ статьяхъ и трактатѣ, сего же дня подписанномъ между его величества императоромъ всероссійскимъ и его величества королямъ прусскимъ, на вѣрждѣ присоединяется къ имперіи руссійской»; это условіе, весьма ясное, не требуетъ никому никакихъ комментариевъ. Высокія договаривающіяся державы, какъ будто недостаточно, употребивши въ счетъ выраженія, опредѣляющаго полное и вѣчное подданство царства польскаго Россіи, присовокупили къ слову навсегда и на вѣчныя времена. «Отъ блгоусмотрѣнія его величества императора будетъ завѣсть распространіе управленій, дарованныхъ царству польскому, въ польско-россійскія губерніи и присоединеніе, сихъ послѣднихъ къ царству». Приведеніе въ исполненіе, сего послѣдняго условія, предоставляется, какъ выше видѣли, единой волѣ императора, но дарованіе и присоединенію царству, особаго управленія, требуется весьма ясно и полезно. Хотя наши государь, подобно съ сущи, ствующимъ порядкомъ и обычаемъ, долженъ присоединять въ проимъ своимъ титуламъ, дичу къ царя (нороля) польскаго, но подати, находящіяся въ подданствѣ, высочайше договаривающихся сторонъ, будутъ имѣть народныхъ представителей и национальныя государственныя управленія, возмездныя, съ тѣмъ родомъ политическаго существа, факторы и наждымъ изъ правительствъ будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для нихъ въ кругу сошнадѣній. Спрашивается: какой образъ политическаго существованія, можетъ быть признанъ за полезнѣйшій и юридичѣйшій для области, поступающей на вѣчныя времена, въ составъ владѣній великаго государства? тотъ ли, кою духъ наиболѣе согласится съ духомъ политическаго суп

ществованія государства, къ коему область присоединяется, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ этомъ государствѣ существующимъ. Безъ сомнѣнія, первый. Разсуждать иначе значило бы руководствоваться одностороннимъ взглядомъ, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ, требующимъ не разрозненія, а напротивъ, приведенія духа учреждений областей многосложнаго государства къ общему знаменателю, безъ чего невозможно единство, которое одно составляетъ силу государства. Итакъ, сія 5-я статья договора состоитъ, сама по себѣ, изъ двухъ отдѣловъ, изъ коихъ послѣдній совершенно противорѣчитъ первому,—это было вѣроятно включено въ означенные договоры не безъ задней мысли.

По подписаніи договора между Россіей и Пруссіей былъ заключенъ подобный же съ Австріей. Они были внесены въ акты вѣнскаго конгресса уполномоченными всѣхъ великихъ державъ. На основаніи этого нашъ государь, вооруженный правами, торжественно признанными всей Европой, приступилъ къ дѣлу.

Во-1-хъ, его величество принялъ царство польское въ потомственное и вѣчное владѣніе.

Во-2-хъ, онъ не счелъ нужнымъ распространить дарованный имъ этому царству образъ правленія на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ нему.

Во-3-хъ, онъ принялъ титулъ царя польскаго, присовокупивъ его къ прочимъ имъ носимымъ достоинствамъ.

Во-4-хъ, его величество уклонился, подъ разными предлогами, отъ введенія въ присоединенное царство представительнаго образа правленія, какъ чрезмѣрно отличающагося отъ учреждений, искони въ Россіи существующихъ. Онъ ограничился лишь дарованіемъ ему отдѣльнаго и особаго управленія, подобно тому, какое существовало уже въ Финляндіи.

Вотъ на какомъ основаніи Александръ I принялъ царство польское, права на котораго онъ передалъ своему законному наслѣднику.

II.

Наполеонъ сказалъ однажды: «Европа занималась чтеніемъ исторіи французской революціи, но я положилъ замѣтку и закрылъ книгу. Наступитъ время, когда замѣтка выпадетъ и Европа вновь обратится къ чтенію закрытой мною книги». Пророчество

великаго человѣка сбылось: замѣтва выпала и все ринулось на попроще возникшихъ преній и переворотовъ. Самые владыки Европы не могли не подчиниться вліянію этого всеобщаго движенія умовъ; почти въ одно время были дарованы хартии: Людовикомъ XVIII—Франціи, Вильгельмомъ—Нидерландамъ, Александромъ—Польнѣ. Книга революціи раскрылась и съ тѣмъ вмѣстѣ военное ремесло уступило права свои на всеобщее вниманіе гражданскому началу, которое въ теченіе 15-ти лѣтъ, скромно довольствуясь неизвѣстностью, вдругъ воспрянуло. Явились адвокаты, журналисты, разнаго рода витія, молодые люди, незнакомые съ военной службой, либо жалко въ ней служившіе отъ недостатка въ дарованіяхъ къ подобному роду занятій, кои скрывались до сего времени въ глубинѣ общества. Они заняли мѣста полководцевъ — этихъ кумировъ устарѣвшаго богослуженія, капиталистовъ — монеты, курсъ которой упалъ столь значительно. Громъ оружія былъ замѣненъ напряженіемъ гортаней и скрипомъ перьевъ. Великія побѣща были забыты, пренія же палаты депутатовъ приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Грустно было нашему воинственному, но невѣстному поколѣнію, быть вынужденнымъ отстраниться, для того, чтобы дать мѣсто лицамъ, кои, выдвинувъ свои вещественныя и словесныя батареи, стали оглашать своими звуками несравненно большее пространство. Многіе убѣждены, что усилія ратоборцевъ настоящей эпохи клонятся лишь къ пользѣ общей, къ доставленію человѣчеству наибольшей суммы благосостоянія, свободы и просвѣщенія. Нисколько! не всѣ и далеко не всѣ движимы столь высокою любовью къ человѣчеству. И тогда, и нынѣ на человѣчество смотрѣли, какъ на собраніе цифръ, которыми рѣшались и рѣшаются задачи личныхъ честолюбій и корыстолюбій; и тогда, и нынѣ лишь жажда къ пріобрѣтенію личной извѣстности или достоинства побуждаетъ многихъ къ неутомимой дѣятельности, посвященной, по ихъ мнѣнію, одному благу человѣчества. Причина всего кроется лишь въ всепоглощающемъ я; войны всѣхъ эпохъ происходили большею частію лишь отъ этого. Различіе заключается лишь въ образѣ битвы, оружіи и въ способахъ ими дѣйствовать. Вмѣсто Массенъ, Даву, эрцъ-герцоговъ Карловъ, Кутузовыхъ, Барклаевъ, Багратионовъ — мы видимъ Одильоновъ, О'Конелей, Могеновъ и Лелевелей.

Самый Наполеонъ, этотъ очаровательный и исполненный

повѣи исполнить, были замѣнены 90-ти-лѣтнимъ дитятей Ли фактомъ; въ маснарядомъ платьѣ поцѣсато: гренадера; битвы разбиты: греческаго, баснословнаго утѣжили: мѣста свои: валамъ черни въ локмотьяхъ; фразы: «Моици» фразамъ: аббата: Ламене, неотораемыя многими: глушамъ, воее: жив: неон: макоцини: но: ильза: благосостоянія, истинная: свобода: народовъ: (а: (нисколько: ни: гра: зумъ: подъ: этимъ: именемъ: анархическое: (состояніе:)) въ: воюю: находятъ: въ: настоящее: время: нѣкоторымъ: (государствамъ): должны, повидимому, вѣчно: оставаться: (разлитымъ: на: престѣ: между: двумя: разбойниками: честолюбивымъ: воинымъ: и: честолюбивымъ: (гражданинскимъ, никогда: не: обнаруживающимъ: ни: малѣйшаго: раскаянія: Конечно, нѣтъ: правилъ: безъ: исключенія; и: въ: этомъ: исключенія: въ: наименѣ: исполнѣ: жертвительномъ: пѣвѣ: (о: единемъ: рѣдкѣ); чтобы: оказать: на: большинство: умовъ: и: увѣренныя: общими: потокомъ: идей, едва: замѣтное: (дѣяніе: Намъ: живущимъ: въ: этомъ: (огонь: греческомъ: вѣкѣ, нельзя: не: привѣтствовать: отъ: души: это: радостное, хотя: и: слышимомъ: рѣдкое: появленіе: избранныхъ: личностей), любве: обильныхъ: не: столько: на: словахъ, сколько: на: дѣлѣ: (и: т. д.)

Я: можетъ: быть: ошибаюсь, но: гдѣмъ: да: менѣе: убѣжденъ: въ: томъ, что: не: желудкамъ: нашего: нравственно: чистого: (въ: нас: переваривать: такую: пищу; какъ: свобода, на: это: потребны: желудки: древнихъ: грековъ: и: римлянъ; которые: (могли: еще: безародно: насыщаться: и: пресыщаться: ею: Ихъ: мѣтучая: природа: принимала: съ: пользою: благодать: и: испосылаемую: благодать: Провидѣніемъ: народамъ, исполненныя: любви: и: самоотверженія: и: швердаты: въ: своихъ: убѣжденіяхъ. Но: мы, провинутые: космополитизмомъ, именуемымъ: любовью: къ: человечеству, какъ: будто: бы: люблю: всѣхъ: не: означаю: никто: не: люблю, кромѣ: самого: себя; мы, бездушные: и: жалкіе: скептики, безощадно: (валлизирующіе: все: святое; мы, чал: мей: гнилые: и: вилнѣ: (провазисис: мы: не: должны: держать: омы: слить: о: свободѣ. Нѣтъ: надъ: старѣ: и: стараться: едѣваться: достойными: этой: небесной: манны, и: лишь: тогда: она: сама: собой: низойдетъ: къ: намъ: къ: неба; но: пока: восплаещающее: я: будетъ: единственнымъ: кумиромъ; единственнымъ: рычагомъ: всей: нашей: дѣятельности, всѣ: наши: усилія: и: стремленія: будутъ: тщетны. Надъ: удѣлъ: (о: того: времени: (одина: либо: рабство) (либо: анархія, (удѣлъ: римлянъ: и: грековъ: послѣ: ихъ: паденія: съ: высоты: добродѣтели: и: любви: (и: т. д.)

въ отечеству въ то преступное и нравственное несчастіе, движе-
 то тончивое себялюбіе, въ коихъ мы нынѣ такъ погрязли. Свѣтъ
 Свѣтъ еще въ нашей памяти французская революція, поль-
 скій переворотъ и миттежъ царства польскаго; — все это; это мно-
 го тогдашнихъ говорунцовъ, было совершенно лишнее для блага
 общаго; не пусть назовутъ мнѣ хотя одну личность, или числа
 многихъ великихъ, такъ сказать, среди этихъ кровавыхъ со-
 бытій, для котораго общаго блага стоило бы вышше собственнаго
 къ обществу, вы не назовете ни одной. У каждаго, какъ у ли-
 тины Крылова «рыльце въ пуху». Выинемъ въ Тьера, слово
 панемириста французской революціи, и мы увидимъ проклятое и,
 величающееся какъ бы противъ воли автора надъ самыми патріо-
 тическими побужденіями и порывами людей; или прославляемыхъ.
 Послушаемъ Лафайета и его сообщивковъ, возбудившихъ, при
 помощи огромныхъ капиталовъ, июльскій переворотъ; о чемъ го-
 рюють они? предпріятіе ихъ увѣнчалось успѣхомъ, о чемъ же
 имъ вздыхать? онъ вѣдь удался для всѣхъ вронихъ, но не исклю-
 чительно для тѣхъ, кои волновали умы для удовлетворенія соб-
 ственнаго честолюбія.

Послушаемъ Солтыка, превозносящаго героизмъ и самоотвер-
 женіе поляковъ во время послѣдняго миттежа; а мы убѣдимся,
 что проеки членовъ народнаго правленія приготовили для Польши
 тотъ рядъ бѣдствій, кои она испытала и которыя были лишь по-
 слѣдствіемъ стремленія каждаго — извлечь изъ всего наибольшую
 выгоду, нисколько не заботясь о прочемъ. Вѣрите послѣ этого заб-
 венію личныхъ выгодъ для общаго блага этихъ Брутовъ и Ли-
 курговъ нашего вѣка, съ отказомъ на носу и въ батистовыхъ ру-
 башкахъ, укукомъ вовсѣмъ убѣжденій Денежная выгода и ком-
 мерческій расчетъ — вотъ убѣжденія нашего вѣка. Грустно ста-
 новится мнѣ при мысли, что въ нашъ вѣкъ, богатый отверженіями
 всякаго рода, просвѣщеніе, — этотъ великій двигатель человѣче-
 ства по стезѣ усовершенствованій, допустило его пасть столь низко
 на этой нравственной лѣстницѣ!

Уже на второмъ сеймѣ¹⁾, открывшемся въ 1820 году, въ

¹⁾ На этомъ сеймѣ десаревичъ, избранный депутатомъ отъ Краги, держалъ рѣчь; въ которую польскіе депутаты заставили молчать пришедшаго на сеймъ генералъ-адъютанта Чернышева. Генералъ-контролеръ парадно Олександръ, се-
 ловъкъ вѣднѣ замѣчательный по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и

Варшавѣ, обнаружилась стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ пріобрѣтенію личной извѣстности выходками, лишенными даже приличія. Члены сейма не столько занимались сужденіями о предметахъ, представленныхъ имъ правительствомъ, сколько предавались буйнымъ противъ него возгласамъ; они находили, что введенныя нашимъ правительствомъ учрежденія были еще слишкомъ тягостны для развитія благосостоянія страны; они забыли, что для Польши самостоятельность есть дѣло весьма трудное и доселѣ невозможное; до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себѣ, какъ она накликала на себя рядъ бѣдствій и вмѣшательство сильныхъ сосѣдей становилось необходимымъ.

Духъ своеволія, вспыхнувъ въ этой несчастной странѣ, могъ легко распространиться въ областяхъ, смежныхъ съ нею. Императоръ Александръ, опасаясь гибельныхъ послѣдствій подобнаго порядка вещей, повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія ихъ. Такимъ образомъ, пренія членовъ сейма сдѣлались недоступными для любопытствующихъ; путь къ удовлетворенію славолобія пресѣкся для многихъ и не представлялось болѣе для закоренѣлыхъ враговъ Россіи возможности къ возбужденію противъ нея возстанія.

Вотъ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ причинъ усиленія ненависти къ Россіи всего польскаго шляхетства; къ этому надо присовокупить и то, что новыя учрежденія царства не были введены и въ польско-россійскія губерніи, слѣдовательно надежда на возстановленіе польскаго государства въ полномъ его составѣ исчезла навсегда. Но въ то самое время, какъ мы явно подавали новые поводы къ усиленію ненависти, пытаемой къ намъ во всѣ времена поляками, мы приступали къ образованію польской арміи и тѣмъ давали имъ срѣдства къ явному противъ насъ возмущенію.

свѣдѣніямъ, сказалъ собравшимся депутатамъ: «Такъ какъ вамъ невозможно изобрѣсти лесты, которую бы императоръ всероссійскій не выслушалъ уже, я совѣтую вамъ сказать его величеству: мы, государь, ни полной зависимости, ни полной самостоятельности одинаково сносить не умѣемъ». Государь, увидавъ, какіе безпорядки возникли во время преній сейма, лишилъ поляковъ конституціи, данной имъ въ 1815 г., объявивъ, что они «еще не умѣютъ пользоваться свободой». Околовъ сказалъ однажды А. П. Ермолову: «Государь сдѣлалъ большую ошибку, дозволивъ полякамъ собираться на сеймъ»; это слово, напоминая имъ библ. въ состояніи свести сѣма не одну голову».

Д. Д.

Попеченіями російскаго правительства земледѣліе, промышленность, торговля царства были приведены въ цвѣтущее состояніе. Въ первые годы владычества Россіи надъ этимъ царствомъ, изнуренномъ войнами, контрибуціями всякаго рода, всѣ расходы были приняты Россіею на свой счетъ, доходы же его были обращены лишь на удовлетвореніе потребностей царства. По распоряженію нашего правительства выданы были ссуды для торговыхъ операцій; изъ кредитной кассы было роздано отъ 72 до 106 милліонъ рублей въ видахъ поощренія земледѣлія; пошлина съ ввозимыхъ въ Россію польскихъ суконъ была уменьшена до одного процента, отъ чего таможня потеряла въ теченіи 15-ти лѣтъ до 60 милліонъ рублей. Польскимъ войскамъ было назначено жалованье, значительно превосходящее окладъ, опредѣленный російскимъ; оружіе всякаго рода, порохъ и заряды были высылаемы съ изобиліемъ изъ Россіи; крѣпости были улучшены по новѣйшимъ системамъ; крѣпость Замостье, столь много впослѣдствіи намъ вредившая, была возобновлена и значительно усилена. Русскій корпусъ, расположенный близъ границъ царства, получилъ особое образованіе; всѣ, служившіе въ немъ русскіе, были переведены въ коренные російскіе корпуса, расположенные въ нѣдрахъ имперіи, выбранные изъ уроженцы польско-россійскихъ губерній поступили въ составъ этого корпуса, наименованнаго Литовскимъ, коему были назначены постоянныя квартиры на самой границѣ царства. Назначенный восьмилѣтній срокъ для службы рядовымъ польской арміи послужилъ прекраснымъ средствомъ къ постепенному ознакомленію всей націи съ военнымъ ремесломъ; при первомъ востребованіи уволенныхъ отъ службы, польская армія могла быть весьма легко удвоена и утроена безъ малѣйшей потери времени на обученіе вновь поступающихъ рекрутовъ. Наконецъ алчность поляковъ къ почестямъ и наградамъ была вполне удовлетворена неисчислимыми щедротами его величества, ежегодно осыпавшими своимъ милостями поляковъ, коихъ ревность къ службѣ была засвидѣтельствована цесаревичемъ.

Таки поступалъ Александръ I относительно поляковъ! Дѣйствія этого великодушнаго, но слишкомъ недоувѣрливаго монарха не приносили и не могли принести желанныхъ результатовъ. Его либеральныя воззрѣнія, значительно измѣнившіяся чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе пагубнаго вліянія Меттерниха, руково-

дали его въ отношеніи поляковъ: (забужденіе отъ него монарха, на дѣянія его навсегда прекратить всякую существующую между Россією и Польшою вражду, стоили намъ дорого. Этнона только не произвело дѣйствій, противныхъ тому, чего ожидали, но доставило, напротивъ, полякамъ огромные способы къ возстанію и продолжительной борьбѣ съ Россією, о которыхъ они не смѣли бы и помышлять.

1) Такимъ образомъ Польша, превратая мятежомъ, зарождавшимся въ ней Александромъ I въ минуту несчастной либеральности его, нестерпиво ожидала срока своего разрѣшенія. Великій князь Константинъ Павловичъ послужилъ ей въ этомъ случаѣ ненамѣренно.

2) Надлежало послѣдствіемъ обнаруживать великія усилія для того, чтобы сокрушить оружіемъ возстаніе, которому дали полную свободу развиться до большихъ размѣровъ; къ тому же, радъ бѣдствій разразился въ то время надъ дорогимъ отечествомъ нашимъ: холера, свирѣпствовавшая по всей Россіи; мятежь, вспыхнувшій въ военныхъ поселеніяхъ; смертоносныя болѣзни, проявившіяся въ войскахъ, возвращающихся съ Дуная, а главное — гибельная система отталкивать людей, способныхъ, безкорыстныхъ, постоянно предпочитая имъ личности ничтожныя, бездарныя, корыстолюбивыя, кои могли быть лишь слѣпыми исполнителями.....

3) Игноръ, зародыши заговора въ царствѣ польскомъ можно отнести къ концу того года, въ который были прекращены публичныя пренія въ палатахъ; оскорбленные тѣмъ поляки скрывали свои замыслы подъ личиною преданности къ нашему правительству, предъ которымъ они, можно сказать, пресмыкались съ полнымъ забрѣиетомъ собственного достоинства. Нельзя позабыть, до какой степени отвратительно раболѣпства доходила во дни безмятежія большая часть поляковъ, относительно цесаревича (Константина Павловича); послѣдствіемъ эти, индивидуумы мятежомъ, личности незамедлили оскорблять его высочество дѣломъ и словомъ. Всѣ вообще, но въ особенности завѣдывавшіе какими-либо важными военными управленіями, старались, наперекоръ собственнаго нерасположенія въ фронтовой службѣ, обнаруживать безграничное къ ней рвеніе; они не щадили средствъ, чтобы угодить магійшимъ капризамъ своегоравнаго цесаревича, которая благосклонность и довѣріе они домогались приобрести. Они успѣли

некоторые действовать чрезъ него разными улучшениями въ завѣдываемыхъ имъ частяхъ, и тѣмъ прѣуготовили себѣ способы въ будущей борьбѣ съ Россією. Они, подъ предлогомъ негодности оружія, испросили чрезъ него присылку изъ Россіи новаго, и тогда было доставлено нѣсколько десятковъ тысячъ ружей, это множество годное оружіе было ими задержано и впоследствии употреблено противъ насъ. То же самое повторилось относительно пушекъ, пороха, зарядовъ и прочихъ предметовъ.

Польки испросили также позволеніе обнести Варшаву глубокимъ ровомъ и высокою насыпью, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы затруднить ввозъ контрабанды; наконецъ, за нѣсколько времени до возстанія они просили о возведеніи крѣпости въ Тирасполь, наспротивъ самага Бреста-Литовскаго, но на это, къ счастью, не послѣдовало согласія ея величества. Хотя все это происходило лишь въ царствѣ, но вѣтви заговора простирались дѣже. Шляхетство польско-россійскихъ губерній вполнѣ сочувствовало всему тому, что дѣлалось въ Варшавѣ, и можно достоверно сказать, что все шляхетство отъ береговъ Вислы до береговъ Днѣпра волновалось.

III.

Чтобы лучше видѣть цѣль мятежниковъ, я выписываю изъ сочиненія Солтыка описаніе предначертаній заговорщиковъ за два мѣсяца до открытія возстанія:

«Въ послѣдіи декабря 1830 года, т. е. въ послѣдній сентябрь по вашему литовскому календарю, главныя члены «патриотическаго общества» собрались въ Варшавѣ для совѣщанія; къ было представлено для планша Сочинителемъ требованіе внезапнаго возстанія въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Изъ этого горнила жаръ долженъ былъ разлиться повсюду древнему польскому государству, съ такою быстротою, чтобы извѣстіе о томъ могло достигнуть трехъ сосѣднихъ государствъ, не рѣше какъ за двое мнѣтрое сутокъ до занятія нашими войсками шкеничныхъ или ульска областей. Оное хотѣли, чтобы мы воспальровались выгодами, которыя могли представиться намъ быстротѣ и внезапности дѣйствій. Впрочемъ, средства были въ кошелькѣ нашихъ милостивцевъ пада, будто бы для того, чтобы содѣйствовать нашему возстанію, которое, по силѣ и общирности своей, не имѣло ничего равнаго въ литовскихъ исторіи. Армія царства, состоявшая изъ 60,000 чел., была расположена слѣдующимъ образомъ: одна часть въ Варшавѣ, другая на берегу Вислы, а кавалерія находилась на границѣ Песнаевского Герцогства, осталшая треть на правомъ берегу Вислы; съ кавалеріей, которой кантониръ-квартиры простирались отъ Сабарца до Завосля, касаясь російскихъ границъ пр. Буга. Большая часть оной была въ походѣ въ Песнаевскіи Герцогствѣ, другая въ походѣ въ Песнаевскіи Герцогствѣ.»

офицеровъ вышесказанныхъ войскъ, принадлежа патриотическому обществу, любима безъ сомнѣнія свое отечество. Одна русская гвардейская дивизія, силою въ 7,000 чел. при 24-хъ орудіяхъ, находилась въ Варшавѣ и ея окрестностяхъ. Эта дивизія, будучи, такъ сказать, окружена нашею арміею, не можетъ оказать сильнаго сопротивленія, тѣмъ болѣе, что всѣ солдаты были уроженцами похищенныхъ у насъ губерній, а слѣдовательно они болѣе склонны присоединиться къ намъ, чѣмъ дѣйствовать противъ насъ. Размѣщеніе нашихъ войскъ таково, что возстаніе въ Варшавѣ должно было возбудить подобное во всей арміи, не позже какъ чрезъ двое сутокъ; наши войска, расположенныя на правомъ и лѣвомъ берегахъ Вислы, имѣли потому возможность достигнуть въ нѣсколько дней границъ царства и легко проникнуть прямо въ области, къ намъ прилегающія. Россія не только снабдила насъ оружіемъ, зарядами и пушками, но, сверхъ того, расположеніемъ своихъ войскъ значительно уменьшила затрудненія для наступательнаго движенія нашей арміи. Въ самомъ дѣлѣ, корпусъ, называемый «литовскимъ», состоящій изъ 40,000 человекъ, при 120 орудіяхъ, былъ разсыянъ на пространствѣ отъ Дубны до Вильны на разстояніи 100 польскихъ миль (700 верстъ); будучи исключительно составленъ изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, онъ необходимо долженъ пристать къ намъ. Треть офицеровъ корпуса уже въ сношеніи съ членами патриотическаго общества, а генералы не могутъ сосредоточить ни на одномъ пунктѣ достаточныхъ силъ для отраженія нашего нападенія. Безъ всякаго сомнѣнія наши войска, въ соединеніи съ литовскимъ корпусомъ, будутъ въ состояніи предпринять нападенія на Кіевъ, Бобруйскъ, Динабургъ и Ригу. Успѣхъ при этомъ тѣмъ менѣе сомнителенъ, что можно легко достигнуть его съ помощью окрестныхъ жителей до появленія въ тѣхъ краяхъ нашихъ войскъ. Въ Галиціи обстоятельства еще болѣе благоприятствуютъ нашему дѣлу: тамъ не болѣе 18,000 солдатъ, которые, будучи всѣ уроженцами польскими, занимаютъ эту область; 30,000 человекъ распушено по домамъ съ полною аммуниціей, хотя у нихъ отобрано оружіе, но оно хранится въ штабныхъ цейгаузахъ. Ни одинъ изъ нихъ не успѣетъ прибыть къ своему мѣсту до занятія нашими этой области, ибо войска наши, квартируя въ окрестностяхъ Радома и Коуска, отстоятъ не далѣе трехъ усиленныхъ переходовъ отъ австрійской Галиціи. Всѣ войска стараются пристать къ намъ и составить кадры нашей арміи, а жители, увлеченные всеобщимъ движеніемъ, будутъ дѣйствовать по усмотрѣнію патриотовъ. Познань была справедливо и искони почитаема горниломъ пламеннѣйшаго патриотизма, и потому все ея народонаселеніе возстанетъ разомъ. При появленіи въ ней нашихъ воиновъ 30,000 пѣшихъ и конныхъ, исправно вооруженныхъ ландверовъ, отлично знакомыхъ съ военнымъ дѣломъ, умножатъ наши ряды. Число войскъ, составляющихъ прусскіе гарнизоны, не превышало 15,000 человекъ. Такъ какъ Познанская крѣпость едва вооружена, то эти войска могутъ лишь соединиться за Одеромъ. Она снабжена огромнымъ арсеналомъ и гарнизономъ въ 15,000 чел., весьма мало бдительнымъ, что весьма часто бываетъ въ мирное время; этою крѣпостью можно овладѣть врасплохъ.

Изложивъ всѣ способы, коими могли располагать наши и непріятельскія войска, авторъ изложилъ средства для приведенія въ исполненіе своего предначертанія. По его мнѣнію, надлежало взбунтовать въ трое сутокъ всю польскую армію, учредить диктаторство, захватить цесаревича и главныхъ генераловъ, обзоружить русскую гвардейскую дивизію, опредѣлить 2,000 офицеровъ въ кантониръ-квартиры войскъ для образованія рекрутовъ и кадровъ для 2-й арміи, ко-

армія не должна была быть слабѣе 30,000 чел.; она должна была состоять изъ 20,000 солдатъ, вышедшихъ въ отставку и 10,000 волонтеровъ высшихъ сословій: они хотѣли двинуть немедленно отрядъ изъ 2,000 человекъ чрезъ Брестъ и Дубно на Волынь, другой такой же силы чрезъ Вѣлостокъ и Вишну—и 3-й, въ 5,000 человекъ чрезъ Новомясты, Тарновъ, въ Галицію. Этотъ отрядъ долженъ былъ пресѣчь путь, идущій изъ Лемберга въ Вѣну; 2,000 человекъ краковскихъ волонтеровъ должны были двинуться для того, чтобы поставить австрійцевъ между двухъ огней. Наконецъ они хотѣли направить 5,000 человекъ въ Познань для содѣйствія жителямъ къ возстанію и занятію крѣпости въ Глогау, отстоящей отъ границъ герцогства недалѣе 20 миль. Вотъ первоначальныя мѣры, кои имѣлъ въ виду сочинитель этого предположенія. По его мнѣнію, все это могло совершиться въ 10 или 12 дней, и тогда возстаніе могло охватить уже всю Галицію, Познань, Волынь и часть Литвы.

Число войскъ, коими наше отечество будетъ въ состояніи располагать, возмисется до 180,000 человекъ при 276 орудіяхъ, а именно:

1-я армія, инія вся подъ ружьемъ изъ	30,000	чел.	при	96	оруд.
Резервная, образуемая на Вислѣ	30,000	>	>	60	>
Эти орудія поступать изъ арсеналовъ и послѣ					
обезоруженной русской гвардейской дивизіи.					
Литовскій пѣхотный корпусъ	40,000	>	>	120	>
Польскія войска, входяція въ составъ австрійской					
арміи, расположенная въ Галиціи, не считая милиціи	48,000	>	>	—	>
Ландверы познанскіе	30,000	>	>	—	>
Волонтеры краковскіе	2,000	>	>	—	>

Итого 180,000 чел. при 276 оруд.

По изгнаніи чужеземцевъ изъ столь обильнаго государства, можно будетъ приступить къ набору 200,000 рекрутовъ и 50,000 лошадей. Для вооруженія этой огромной массы войскъ послужать ружья, коими мы овладѣемъ при занятіи Велючки, Глогау, Динабурга, Бобруйска, Риги и Кіева, гдѣ по крайней мѣрѣ большая часть сдѣлается неминуемо нашей добычей; расширеніе нашихъ границъ, сосѣдства и дружба съ Венгрією и Силезією, и удобства выгрузки оружія на берега Литвы, могутъ также значительно тому содѣйствовать.

Благопріятное стеченіе обстоятельствъ обѣщаетъ намъ полный успѣхъ, надо однако умѣть этимъ воспользоваться.

Слѣдуя вышеизложенному предначертанію, мы можемъ быть вынуждены вести въ одно время войну съ Россією, Пруссією и Австрійей; но принимая въ уваженіе военное положеніе этихъ трехъ державъ и политическія обстоятельства Европы, намъ нельзя сомнѣваться въ успѣхѣ нашего предпріятія. Если мы не станемъ считать литовскій корпусъ, Россія въ теченіе двухъ мѣсяцевъ можетъ выставить противу насъ лишь 80,000 челов.; главная причина тому слѣдующая: разстройство и убыль полковъ, возвращающихся изъ Турціи. На возстаніе наше не замедлитъ откликнуться Курляндія и Вѣлоруссія. Австрія и Пруссія, инія въ настоящее время мало войска подъ ружьемъ, еще въ отцѣлевшіи вслѣдствіе июльскаго переворота. Мертвая Италия, Сѣверная и Средняя Германія начинаютъ волноваться; дворянство венгерское выдвѣя намъ сочувствуетъ; католическое народонаселеніе Пруссіи тяготится игомъ латеранъ, и вообще вся земля стонетъ отъ владычества чужеземныхъ обладателей. При такомъ всеобщемъ возстаніи Франція не останется, безъ сомнѣнія, равно-

душною смирительницей, обратившись къ истинной естественной своей цели, она, либо вѣнчаетъ, воиначе тринатать 1815 года, дѣйствовать наступательно, и тогда 250,000-ная армія, усмеленная воюетерами Германіи и Италіи, можетъ въ три мѣсяца развѣрнуть свои знамена на границахъ Модены; либо избравъ поспѣшную, мѣше великодушную, менѣе достойную для высокой французской нации, она по крайней мѣрѣ восpflichtъ признать независимость Польши. Отырадь тогда на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженною рукою въ дѣла постороннихъ державъ, она не допуститъ австрійцевъ и пруссаковъ противаться нашему возрожденію, принудивъ ихъ, такимъ образомъ, соблю- дать строгій нейтралитетъ.

Авторъ находитъ, что нарушение трактата 1815 г. возбу- жденіемъ Польши противъ Россіи, есть дѣло вполне законное. Не до- зволяясь тѣмъ, онъ требуетъ отъ Франціи подобнаго же на- рушенія признаніемъ независимости Польши, и все это для какой цѣли? Для защиты этой страны противъ Россіи, которая будтѣ бы нарушила этотъ трактатъ. Онъ также требуетъ, чтобы Франція, опираясь на правѣ, воспрещающемъ вступаться вооруженной рукою въ дѣла постороннихъ державъ, не дозволяла бы Австріи и Пруссіи потупить мятежь въ польскихъ областяхъ, имъ принадлежащихъ въ силу прежнихъ трактатовъ и оконча- тельно признанныхъ ихъ собственностью трактатомъ 1815 года. Онъ настаиваетъ на необходимости вмѣшательства Франціи во- оруженною рукою въ спорныя дѣла государствъ, вовсе для нея постороннихъ.

«Въ первомъ случаѣ, продолжаетъ Солтманъ, Пруссія и Австрія, опирающаяся въ европейскую сторону силами Франціи, могутъ лишь выставить слабыя силы противъ насъ, и мы можемъ двинуть значительныя силы противъ Россіи. Во второмъ случаѣ — вся польская армія движется противъ русской, дваждцатью ей послѣдней въ силѣ, которую стѣдуетъ лишь двѣдцатью разъ побѣдять...

«Большая часть членовъ общества, будучи вполне согласна относительно возбужденія къ возстанію жителей Польши и польско-русійскихъ губерній, возражала однако противъ остатка плана. Воймъ не безцѣльство, го- ворили они, что: отразивъ нашею обществомъ, никогда не проинвали, правдыми образами съ Польшою и Галліею; хотя патриотизмъ жителей этихъ областей не подвѣнать сомнѣнію, но возможно ли поручиться въ томъ, что при первомъ извѣщеніи нашихъ войскъ они тотчасъ встанутъ? Войска, занимающія ихъ, могутъ ли быть легко вытѣснены или присоединены къ нашей арміи? Ныни силы достаточны для нанесенія сильнаго удара русскимъ, но при по- мощи жителей Литвы, Подолья, Волыни, Бѣлорусіи, Украины и въ особенности при единоумствіи съ липовскими корпусомъ, при нападѣ въ Мовавии и Па- ладіи и при нападеніи въ насъ дѣлхъ трель державъ, выдержитъ ли мы ихъ удары? Не пожелаютъ ли мы для надежды несбыточной, усѣхемъ почти все сомнѣніе? Оставивъ въ покое Австрію и Пруссію, не имѣемъ ли мы право надѣяться, что обѣ эти державы останутся лишь равнодушными зрительницами возстанія; которое можетъ имѣть для насъ двѣкую пользу, либо ослабитъ

Россіи, послѣдствіе войны ужасной и кровопролитной, либо раздробленіе этой державы на части. Та или другая будетъ весьма выгодна для государствъ, справедливо опасующихся раннего или поздняго вторженія Россіи въ ихъ владѣнія. Къ сему нельзя надѣяться, что Австрія и Пруссія, предугадывая, что десѣй, порожденія нашего, мы будемъ въ состояніи изторговать у нихъ слюю области, коими они незаконно владѣютъ, не отказались бы заблаговременно отъ нихъ, дабы добровольнымъ пожертвованіемъ затруднить Россію и тѣмъ оградить себя отъ известной опасности ея изъ замесваній. Это предположеніе, тѣмъ правдоподобнѣе, что уже въ 1815-году Австрія и Пруссія не имѣли отказаться отъ своего участка, если только Россія и Пруссія не слѣдуютъ ея примѣру. Впрочемъ, если бы объ эти державы и не отказались добровольно отъ своихъ участковъ, какъ то должна бы имъ внушить здравая политика, въ такомъ случаѣ кто намъ домыслилъ, нанесши поражение опаснѣйшему врагу нашему, обратиться на Австрію и Пруссію и отобрать у нихъ все насильно ими похищенное. Возможно ли тогда не разсчитывать на помощь Франціи, либеральныя порывы которой возбуждять во всѣхъ европейскихъ народахъ сильное сочувствіе.

На это авторъ 1-го предположенія возражалъ: «развѣ восстаніе, какое я требую, не сблизитъ насъ съ Венгріей и Германіей? Въ случаѣ войны съ Россіей, Австрія и Пруссія лишатъ насъ, безъ сомнѣнія, огромныхъ средствъ, имѣя сосредоточенныхъ въ Галиціи и Познанн. Не грѣшно ли намъ будетъ оставить, въ духахъ естественныхъ, до десѣй тайныхъ враговъ нашихъ, большія средства, коими мы могли бы легко воспользоваться. Дай Богъ, чтобы это пренебреженіе не повлекло бы за собою нашей гибели: тогда будетъ поздно обращаться къ друзьямъ нашимъ, когда уже помощь ихъ будетъ для насъ совершенно необходима».

На взирая на эту выгоду, рѣшено было ограничиться восстаніемъ въ царствѣ польскомъ и польско-россійскихъ губерніяхъ. Между тѣмъ патриотическое общество, испуганное рѣшительными дѣйствіями нанего правительства, послѣ событія 14-го декабря, требовало немедленнаго приступленія въ дѣлу. Вслѣдствіе этого образовались два новыхъ тайныхъ общества: одно военное, другое гражданское; предметъ ихъ состоялъ въ скорѣйшемъ возбужденіи дѣ восстанію, и потому было рѣшено:

40 рѣшительныхъ и вооруженныхъ юношей, въ платьяхъ, явившись по одиночѣ на Саксонской площади до развода, должны были скрыться въ толпѣ народа до прибытія цесаревича, котораго имъ надлежало тотчасъ убить. Это должно было служить сигналомъ для 50-ти подпайорщиковъ въ нападеніи на русскихъ генераловъ и занятіи ихъ въ ильнѣ. Войска, обращенныя для развода на площади, должны были провозгласить независимость Польши, немедленно устремиться въ казармы, занимаемыя русскими войсками и обезоружить ихъ. Для того, чтобы поддержать это движеніе, было назначено нѣсколько сотенъ ученыхъ и

военныхъ училищъ, студентовъ и саперный баталіонъ, на коемъ основалась главная надежда заговорщиковъ. По словамъ Солтыка, усердіе и преданность къ пользамъ Россіи русской гвардейской дивизіи, силою въ 7,000 чел., составленной изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, были такъ же весьма сомнительны.

8-е октября было назначено днемъ возстанія въ Варшавѣ по той причинѣ, что 7 и 8 были днями, въ которыхъ польскіе гвардейскіе гренадеры должны были содержать караулы. Порядокъ гарнизонной службы, заведенной цесаревичемъ, былъ слѣдующій: эта обязанность должна была быть исполняема въ теченіе двухъ дней сряду русскими, а въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней — поляками. Въ теченіе этого времени было взято подъ стражу нѣсколько молодыхъ людей; цесаревичъ сталъ, безъ всякаго намѣренія, измѣнять довольно часто порядокъ очередей по гарнизонной службѣ и рѣже присутствовать на разводахъ. Это побудило мятежниковъ отложить возстаніе до 29-го ноября.

Въ это время заговорщики, не желая терять времени, послали въ разныя воеводства для возбужденія возстанія между гражданами и войсками, и приведенія всего въ надлежащую готовность ¹⁾. Звіерковскаго, Солтыка и другихъ важнѣйшихъ членовъ общества. Но въ половинѣ ноября стали распространяться слѣдующіе слухи: будто бы русское правительство высылаетъ въ Бельгію особую армію, которой приказано на походѣ обезоружить польскую; австрійцы выводятъ изъ Галиціи польскія войска въ Венгрію и замѣняютъ ихъ тамъ венгерскими; они свозятъ всѣ ружья и сабли польской милиціи въ крѣпости Моравіи, и наконецъ 30,000 прусскій ландверъ, выведенный также изъ Познани, размѣщенъ по крѣпостямъ Силезіи, гдѣ ему надлежитъ нести гарнизонную службу.

IV.

Итакъ, 17-го ноября, въ 7 часовъ вечера, покушенія нѣсколькихъ польскихъ подпрапорщиковъ убить цесаревича, въ Бельведерскомъ дворцѣ его, послужили сигналомъ къ всеобщему мятежу. Цесаревичъ, чудесно спасшійся, выступилъ въ ту же ночь съ

¹⁾ Невольно спросишь: что же дѣлала въ это время варшавская тайная полиція, которая, по мнѣнію самого Солтыка, стояла правительству около 3,600 руб. въ сутки.

русскими и нѣкоторыми оставшимися вѣрными польскими войсками въ деревню Виржбу, по дорогѣ въ Гуры и находящуюся въ трехъ верстахъ отъ заставы; здѣсь собралось до 8,000 чел. при 28-ми орудіяхъ.

Между тѣмъ въ бушевавшей Варшавѣ сатурналии и неистовства всякаго рода возрастали; вооруженное шляхетство и бездомная сволочь рыскали по городу. Буйная молодежь, махая саблями и осыпая ругательствами русскихъ, скакала по улицамъ; словомъ, наглость и самонадѣянность, столь свойственная полякамъ въ минуты успѣха, проявились здѣсь въ полномъ блескѣ. Но такъ какъ надлежало положить предѣлъ безначалію, Совѣтъ правленія, установленный еще въ 1815 г., принялъ въ ту же ночь бразды правленія; президентомъ его былъ—Соболевскій, а членами—Мостовскій, Грабовскій, Раутенштраухъ, Козецкій, Фредро и князь Любецкій. Это было предпріятіе весьма отважное со стороны Совѣта, обязаннаго своимъ значеніемъ той власти, противъ которой возбуждено было возстаніе. Члены Совѣта, обнаружившіе здѣсь нѣоторую ловкость и смѣлость, имѣли вѣроятно въ виду удержать за собою преимущества, сопряженныя съ званіями, ими до сего времени носимыми. Они избрали еще новыхъ членовъ изъ лицъ, наиболѣе любимыхъ мятежниками, такъ, на примѣръ: Чарторижскаго, князя Михаила Радзивилла, Кохановскаго, генерала Паца, Нѣмцевича и Хлопицкаго. Этотъ послѣдній предвидѣлъ лучше другихъ гибельныя послѣдствія мятежа, и не желая стать во главѣ правленія, какъ того всѣ желали, скрывался въ продолженіе нѣкотораго времени въ городѣ и его окрестностяхъ. Совѣтъ, предписавъ образованіе національной гвардіи, назначилъ генерала Паца (съ оговоркой, до прибытія Хлопицкаго) начальникомъ польскихъ войскъ, коихъ число не превосходило въ то время 4,500 человекъ, ибо нѣкоторые еще колебались приступить къ бунтовщикамъ, другіе же послѣдовали за цесаревичемъ.

Все сказанное Солтыкомъ явно опровергаетъ мнѣніе автора вышепредставленнаго предначертанія, который былъ, повидимому, твердо убѣжденъ въ томъ, что при первомъ извѣстіи о возстаніи Варшавы всѣ войска и сословія всего древняго польскаго государства не замедлятъ тотчасъ пристать къ мятежникамъ. Какъ велико было разочарованіе его и всѣхъ, подобныхъ ему мечтате-

лей, когда въ самой Варшавѣ—этомъ гнѣздилищѣ вражды противъ Россіи, вмѣсто 10,000 чел., на которые рассчитывали, по словамъ Солтыка, явилось лишь 4,500 человекъ! Чего же должно было ожидать отъ войскъ и жителей, расположенныхъ внѣ Варшавы! Возможно ли было послѣ того полякамъ вступить въ одно время въ Галицію, Познань, Литву, Волынь и овладѣть въ теченіе нѣсколькихъ дней крѣпостями: Кіевомъ, Бобруйскомъ, Динабургомъ, Ригой и Глогау? Такъ всегда неограниченныя желанія легкомысленной толпы рождаютъ въ ней необъятныя замыслы, далеко не соотвѣтствующіе средствамъ, коими они могутъ располагать. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, какъ легко было нашимъ войскамъ, вступивъ на слѣдующій день обратно въ Варшаву, потушить мятежъ въ самомъ его зародышѣ. Предложеніе о томъ было отвергнуто лишь вслѣдствіе воспоминанія о событіяхъ 1794 г. Войска Игельстрема понесли тогда жестокое поражение не по причинѣ пребыванія своего посреди возмущившагося города, но потому, что они, будучи разсѣяны въ немъ, и вовсе не готовы къ принятію боя, нашлись вынужденными пробиваться малыми частями сквозь огромныя толпы войска и вооруженныхъ жителей. Ничего подобнаго не могло здѣсь случиться, если бы войска наши рѣшились вступить въ городъ, чрезъ Мокотовскую заставу, 18-го поутру, одною колонною. Независимо отъ нашего матеріальнаго превосходства въ силахъ надъ мятежниками, смѣлость и рѣшительность съ нашей стороны могли дать важные результаты. Если бы даже это предпріятіе и неудалось, то мы могли, очистивъ еще разъ городъ, вступить уже не черезъ Мокотовскую заставу, а чрезъ Вислу въ Прагу, слѣдуя самымъ естественнымъ, прямымъ и удобнымъ путемъ сообщенія съ Россією, что одно представляло огромныя выгоды. Ясно было, что одно шляхетство и городская сволочь изъ тунеядцевъ желали возстанія, но многочисленнѣйшій классъ народонаселенія, состоящій изъ хлѣбопашцевъ, мѣщанъ и ремесленниковъ, слабо поддавался внушеніямъ заговорщиковъ. Не взирая на вліяніе генераловъ и офицеровъ, принадлежавшихъ къ патріотическому обществу, солдаты послѣднихъ трехъ классовъ весьма нерѣшительно и неохотно представляли къ мятежникамъ. Вообще нерѣшительность и малая надежда на успѣхъ были замѣтны у самихъ заговорщиковъ; хотя послѣдовало тайное приказаніе нѣкоторымъ полковымъ команди-

рамъ польскихъ войскъ, причастныхъ къ бунту, аттавовать въ рас-
плохъ русскую гвардейскую артиллерію, квартировавшую въ Скер-
невицахъ, но такъ какъ никто не рѣшился привести это въ ис-
полненіе, артиллерія благополучно соединилась съ цесаревичемъ
въ Виржбѣ.

Хлопицкій, бывшій весьма честнымъ, но бѣднымъ человѣ-
комъ, удостоился чести командовать французскими войсками во
время Наполеона, возведшаго его въ званіе барона имперіи, что
доставляло ему 6,000 франковъ ежегоднаго содержанія.

Ермоловъ, вернувшись изъ Варшавы въ Петербургъ, въ
1821 году, сказалъ государю: «Я вполнѣ удивляюсь, какъ могли
выпустить въ отставку Хлопицкаго».

На что его величество отвѣчалъ: «Я вынужденъ былъ уволить
его потому, что онъ позволялъ себѣ явнѣ насмѣхаться надъ нѣ-
которыми подробностями нашей фронтовой службы».

Въ самомъ началѣ возстанія Хлопицкій, явившись къ цеса-
ревичу, вызывался занять гвардейскимъ полкомъ арсеналь, напол-
ненный оружіемъ, и недопустить мятежниковъ овладѣть имъ; но
его высочество не рѣшился воспользоваться этимъ предложеніемъ.
Впослѣдствіи императоръ Николай имѣлъ одно время въ виду
наказать его ссылкой, но когда ему объяснили, что мы обязаны
Хлопицкому тѣмъ, что мятежъ не охватилъ Литвы, онъ назна-
чилъ ему пожизненный пенсіонъ.

Хлопицкій, явившись 19-го ноября, нашелся вынужденнымъ
принять на себя, послѣ продолжительныхъ отговорокъ, званіе
главнокомандующаго всѣми польскими войсками. Возникшій между
тѣмъ вполнѣ яacobинскій клубъ, подъ предсѣдательствомъ профес-
сора Лелевеля, увлекалъ чернь и буйную молодежь дѣйствовать
наперекоръ Совѣта, имѣвшаго въ виду дать всему дѣлу нѣкто-
рый правильный порядокъ. Вынужденный уступить требованіямъ
большинства, Совѣтъ исключилъ изъ своего состава Соболевскаго,
Грабовскаго, Раутенштрауха, Кавецкаго и Фредро, почитавшимися
слишкомъ умѣренными, и замѣнилъ ихъ Дембовскимъ, Остров-
скимъ, Молоховскимъ и Лелевелемъ, который, въ свою оче-
редь, уступилъ свое мѣсто въ клубъ Брониковскому. Вслѣд-
ствіе объявленнаго цесаревичемъ желанія видѣться съ нѣкоторыми
членами Совѣта для узнанія истинныхъ требованій націи, кои онъ
желалъ по возможности удовлетворить, присланы были въ Вирж-

бу: Чарторижскій, Любецкій, Островскій и Лелевель; имъ было предписано требовать прежде всего возвращенія царству конституціи, дарованной ему въ 1815 году, и присоединенія къ нему польско-россійскихъ губерній. Сверхъ того имъ было поручено вывѣдать, косвенными путями, о истинныхъ намѣреніяхъ цесаревича, у котораго надлежало также исторгнуть рѣшительный отвѣтъ о назначеніи литовскаго корпуса: предписано ли ему вступить въ царство или нѣтъ? Послѣ пяти-часовой конференціи цесаревичъ, принявшій весьма благосклонно депутатовъ, вручилъ имъ слѣдующее письменное объявленіе:

«1) Его высочество объявляетъ, что, не имѣя намѣренія атаковать городъ войсками, находящимся подъ его начальствомъ, онъ, въ случаѣ начатія военныхъ дѣйствій, обязуется извѣстить о томъ правительство за 48 часовъ.

«2) Его высочество принимаетъ на себя ходатайство у престола его величества императора и короля о милосердномъ забвеніи всего прошлаго.

«3) Его высочество объявляетъ, что онъ не давалъ повелѣнія литовскому корпусу вступить въ царство польское.

«4) Пѣнные будутъ освобождены».

Черезъ три дня Варшава представляла совершенно иной видъ. Совѣтъ правленія палъ и былъ замѣненъ вполне мятежнымъ временнымъ правленіемъ; избраны были членами Совѣта: Чарторижскій, Лелевель, Островскій, Кохановскій, Паць, Дембовскій и Нѣмцевичъ. Сеймъ долженъ былъ быть собранъ къ 6-му декабря; поляки Шембека и Скржинецкаго вступили въ городъ, гдѣ буйство клубовъ и черни достигло высшей степени. Сверхъ того было послано приказаніе Гельгуду, въ Радомъ, и Круковецкому, въ Раву, о направленіи вѣрренныхъ имъ войскъ къ Варшавѣ, для того, чтобы угрожать этимъ движеніемъ единственному пути отступленія цесаревича на Гуры и Пулаву. Это послѣднее обстоятельство побудило его высочество, оставивъ лѣвый берегъ Вислы, направить свой путь къ границѣ имперіи. Цесаревичъ почелъ нужнымъ переслать во временное правленіе другое объявленіе:

«Дозволяю польскимъ войскамъ, оставшимся мнѣ до сей минуты вѣрными, присоединиться къ своимъ.

«Я выступаю съ императорскими войсками и удаляюсь отъ

столицы. Я надѣюсь на великодушіе польской націи, и увѣренъ, что мои войска не будутъ во время движенія ихъ къ границамъ тревожимы. Я вѣрю покровительству націи охраненіе зданій, собственность разныхъ лицъ и особъ».

По мнѣнію нѣкоторыхъ, цесаревичъ послалъ приказаніе русскимъ войскамъ, занимавшимъ Модлинъ, очистить эту крѣпость, которую мятежники посѣгнули занять. Не опровергая этихъ слуховъ, я однако не могу поручиться за ихъ достовѣрность. Того же числа, то-есть 29-го ноября, цесаревичъ, успокоенный циркулярнымъ приказаніемъ Хлопицкаго, запрещавшаго полякамъ тревожить наши войска во время ихъ движенія къ границамъ имперіи, выступилъ изъ Виржбы на Гуры.

Между тѣмъ во всѣхъ частяхъ правленія царствовали величайшіи беспорядокъ; въ Варшавѣ же происходили неистовства всякаго рода. Хлопицкій, почитая необходимымъ положить предѣлъ безначалію, убѣдилъ 23-го числа временное правительство облечь его диктаторскою властью. Это было утверждено сеймомъ 8-го декабря при кликахъ черни, которымъ Хлопицкій едва внималъ. Новое правительство было учреждено на слѣдующихъ основаніяхъ: Диктаторъ, Надзирательная коммиссія, избираемая изъ членовъ сейма и имѣвшая право лишать, по своему усмотрѣнію, диктатора власти, и министры, отвѣтственные предъ сеймомъ.

Хлопицкій умѣлъ уладить дѣло такимъ образомъ, что надзирательная коммиссія находилась вполне подъ его вліаніемъ, ибо значительнѣйшіе члены ея были имъ включены въ какую-то національную коммиссію, которая была ему непосредственно подчинена. Хлопицкій, вступивъ въ свои права, отправилъ въ Петербургъ князя Любецкаго и Езерскаго съ всеподданнѣйшимъ донесеніемъ о прекращеніи имъ безначалія и всеподданнѣйшей просьбой возвратить царству конституцію 1815 года и даровать подобную же польско-россійскимъ губерніямъ. Хлопицкій выразилъ при этомъ собственныя чувства преданности, питаемыя имъ къ особѣ его величества. Отправивъ ихъ въ Петербургъ, онъ строго запретилъ, подъ опасеніемъ лишенія жизни, важнѣйшимъ мятежникамъ, вызвавшимся, подобно Солтыку, истребить войска цесаревича, либо захватить его самого въ плѣнъ, либо предпринимать что-либо противу нашихъ войскъ. Приказавъ закрыть всѣ клубы,

возникшіе въ Варшавѣ, онъ сталъ строго наблюдать за тайными обществами и сподвижниками всякаго рода. Онъ говорилъ явно всѣмъ, что, дѣйствуя лишь какъ вѣрноподданный короля своего (императора Николая), онъ продолжаетъ совершать акты именемъ его величества. Замѣчательно то, что во время диктаторства Хлопицкаго, имя нашего государя не преставало гремѣть въ храмахъ во время богослуженія. Онъ послалъ адъютанта своего, графа Замойскаго, къ командиру литовскаго корпуса барону Розену съ объявленіемъ, что по случаю отъѣзда депутатовъ въ Петербургъ и въ надеждѣ умиротворить край безъ пролитія крови, онъ требуетъ, чтобы не было предпринято съ его стороны какихъ-либо военныхъ дѣйствій; въ противномъ случаѣ Розенъ долженъ будетъ отвѣчать самому государю за пролитіе единой капли крови до полученія высочайшаго на то повелѣнія.

Не взирая на предложеніе, сдѣланное ему княземъ Любецкимъ до отъѣзда сего послѣдняго изъ Варшавы, о распространеніи возстанія въ польско-россійскихъ губерніяхъ и мнѣнія Солтыка и Кицкаго, вызывавшихся привести это въ исполненіе, Хлопицкій, несогласившись съ нимъ, объявилъ даже прибывшимъ депутатамъ Волыни, Литвы и Подолія, что у него нѣтъ ни одного патрона въ ихъ услугамъ. Было очевидно, что диктаторъ, ожидавшій со стороны Россіи единства въ усиліяхъ, видѣвшій во всемъ царствѣ полное развитіе анархіи и ненадѣявшійся на счастливый исходъ возстанія, думалъ спасти свое отечество не прибѣгая къ оружію, а стараясь до полнога подчиненія Польши Россіею привести ее предварительно въ совершенную отъ себя зависимость. Не взирая на эти явныя намѣренія Хлопицкаго, онъ не упалъ однако во мнѣніи своихъ соотчичей. Поляки, понимая по-своему характеръ Хлопицкаго, не могли допустить, чтобы этотъ человѣкъ былъ способенъ заглушать въ себѣ голосъ честолюбія и мщенія послѣ предосудительнаго и оскорбительнаго къ себѣ невниманія цесаревича и ряда личныхъ неудовольствій, испытанныхъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; большинство, мечтавшее лишь о войнѣ, полагало всѣ свои надежды на одного Хлопицкаго. За недостаткомъ лучшихъ генераловъ всѣ превозносили военныя дарованія Хлопицкаго, неимѣвшаго однако случая командовать большими массами войскъ. Какъ бы то ни было, но въ настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Хло-

пицкій, не имѣя соперниковъ, былъ потому человекомъ необходимымъ, котораго поддерживали даже тѣ, противъ желанія которыхъ онъ явно дѣйствовалъ. Однако благоразуміе требовало, чтобы онъ сдѣлалъ нѣкоторыя уступки лицамъ, управлявшимъ общественнымъ мнѣніемъ, безъ чего ему было невозможно достигнуть избранной цѣли. Занявшись устройствомъ арміи, онъ отправилъ двухъ региментаржей или главныхъ наборщиковъ и учителей ополченія: одного—Солтыка, въ воеводства, лежація на правомъ берегу Вислы, а другого—Малаховскаго, въ воеводства лѣваго берега. Поручивъ Чарторижскому вступить въ письменныя сношенія съ Австріей, онъ отправилъ Валевскаго въ Парижъ, Віалопольскаго—въ Лондонъ, Мостовскаго—въ Берлинъ. Всѣ мѣры, принимаемыя региментаржами, не только не встрѣчали одобренія и поощренія со стороны диктатора, но онъ явно стремился затруднить приведеніе ихъ въ исполненіе. Наставленія дипломатическимъ агентамъ заключались лишь въ томъ, чтобы склонить дворы къ посредничеству между Польшей и Россіей, исходатайствованію у нашего государя возвращенія царству конституціи 1815 года и дарованію подобныхъ учрежденій польско-россійскимъ губерніямъ; въ нихъ не было упомянуто объ отторженіи этого царства и польско-россійскихъ губерній отъ Россіи. Диктаторъ, будучи глубоко убѣжденъ, что не въ самостоятельности Польши заключался залогъ ея благоденствія, но въ покровительствѣ Россіи этому царству, удовольствовался столь умѣренными требованіями.

V.

Между тѣмъ цесаревичъ отступалъ благополучно на Гуры и Пулаву; но здѣсь одна польская артиллерійская рота, неизвѣщенная еще о томъ, что Хлопицкій строго запретилъ беспокоить наши войска, приготовилась, вмѣстѣ съ жителями мѣстечка, преградить намъ переправу чрезъ Вислу. Но, къ нашему благополучію, повелѣніе Хлопицкаго пришло еще во-время, и потому эта рота, двинувшись въ Варшаву, не помѣшала нашимъ вступить въ Пулаву. Это приказаніе было сообщено ротѣ генераломъ Вейсфлюкомъ, квартировавшимъ съ однимъ изъ уланскихъ полковъ своей бригады въ Люблинѣ. Прибывъ въ Пулаву, цесаревичъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ престарѣлую внагию Чарторижскую, называемую имъ «Бабой-Ягой».

Хотя сынъ этой главнѣйшей виновницы возстаній поляковъ противъ Россіи въ теченіе цѣлыхъ 60-ти лѣтъ, носилъ еще званіе члена російскаго государственнаго совѣта, но онъ былъ уже членомъ вновь учрежденной комиссіи въ Варшавѣ.

Цесаревичъ, на котораго, какъ и на всѣхъ русскихъ, явно сыпались вездѣ страшныя ругательства, не могъ не замѣтить, что шапки и шляпы всей дворни княгини и вообще всѣхъ пулавскихъ жителей были украшены національными кокардами; выступивъ изъ Пулавы, онъ двинулся на Куровъ-Маркушевъ и Каменку, съ намѣреніемъ миновать Люблинъ, занятый однимъ польскимъ уланскимъ полкомъ. Войска наши слѣдовали до самаго Любартова, по крайне дурнымъ проселочнымъ дорогамъ, совершенно испортившимся вслѣдствіе продолжительной дурной погоды; главная забота цесаревича состояла въ томъ, чтобы избѣжать встрѣчи съ польскими войсками, коихъ невозможно было опасаться: во-1-хъ, вслѣдствіе приказанія, отданнаго Хлопицкимъ; и во-2-хъ, по причинѣ значительнаго превосходства нашего корпуса надъ разбросанными, небольшими отрядами мятежниковъ. Цесаревичъ хотѣлъ двинуться изъ Любартова, чрезъ Коцкъ, на Брестское шоссе, около Біялы, но такъ какъ по слухамъ Біяла была уже занята нѣсколькими мятежниками, присланными сюда изъ Варшавы для наблюденія за литовскимъ корпусомъ, сосредоточеннымъ между Брестомъ и Ёблостовомъ, то цесаревичъ предпочелъ, пробравшись вправо, на Влодаву, вступить въ границы нашей имперіи, гдѣ и расположился въ окрестностяхъ Ружанъ и Слонима, позади литовскаго корпуса.

Въ этомъ быстромъ и вмѣстѣ чрезмѣрно осторожномъ отступленіи видна господствующая мысль цесаревича: избѣгать, по возможности, встрѣчи съ мятежными войсками; онъ, вѣроятно не желая подавать повода къ рѣшительному разрыву съ царствомъ, думалъ, что пока между нашими и польскими войсками еще не воспослѣдовало кровавой встрѣчи, всегда было возможно приступить къ возобновенію мирныхъ переговоровъ, не унижая тѣмъ величія Россіи; если бы даже и нельзя было избѣжать стычки, онъ имѣлъ въ виду не допускать большого кровопролитія, что могло лишь ожесточить другъ противъ друга оба сражавшіеся народа. Такова была, повидимому, мысль цесаревича, которой онъ, можно сказать, остался вполне вѣренъ во все продолженіе

войны. Малѣйшая капля крови, пролитая войсками цесаревича въ битвѣ съ поляками, могла отдалить на самое неопредѣленное время умиротвореніе страны: съ одной стороны исчезла бы навсегда возможность выдти съ честью изъ дѣла, предпринятаго весьма легкомысленно; съ другой—великодушное забвеніе о прошломъ становилось невозможнымъ, но надлежало, напротивъ, прибѣгнуть къ силѣ оружія для усмиренія возникшаго мятежа. Вообще всѣ дѣйствія цесаревича въ эту эпоху столь таинственны, что значительное большинство его подчиненныхъ, никогда ему ни въ чемъ не сочувствовавшее, явно обвиняло его Хотя я глубоко убѣжденъ, что русскій великій князь не могъ забыть обязанности своихъ относительно своего государя и отечества, но я долженъ съ прискорбіемъ сказать, что поведеніе цесаревича подало поводъ къ нареканіямъ страшнымъ и неотразимымъ. Этотъ своенравный, но не мужественный человѣкъ, не привыкшій съ самаго дѣтства своего обуздывать порывовъ своего крутого и своевольнаго характера, требовавшій отъ всѣхъ лишь безусловнаго исполненія малѣйшихъ своихъ прихотей, былъ вынужденъ терпѣливо выслушивать надменные и дерзкія требованія лицъ, незадолго предъ тѣмъ распростертыхъ у его ногъ. Онъ дѣлалъ все это, имѣя вѣроятно въ виду лишь пользу Россіи, которой онъ не могъ не любить. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагаю я, но не такъ думали о томъ поляки. И подлинно, уваженіе, оказываемое цесаревичемъ крамольному совѣту во время официальныхъ съ нимъ сношеній, по истинѣ непостижимо; онъ, казалось, весьма охотно признавалъ законность мятежнаго правительства, и тѣмъ поощрялъ европейскіе дворы къ провозглашенію независимости Польши. Цесаревичъ, постоянно взыскательный и мало привѣтливый съ своими подчиненными, совершенно измѣнился въ отношеніи къ полякамъ. Вниманіе и ласковое обращеніе его съ поляками, осмѣлившимися утруждать его предложеніями, вполне оскорбительными для чести русскаго имени, возбудило во всѣхъ русскихъ всеобщее негодованіе. Не разъ на вопросы командировъ польскихъ полковъ, еще оставшихся вѣрными намъ: «куда прикажетъ имъ идти его высочество?» онъ отвѣчалъ: «повинуйтесь уже не мнѣ, а вашему новому правительству».

Цесаревичъ, никогда не принадлежавшій къ числу безстрашныхъ

героевъ, въ чемъ я не разъ имѣлъ случай лично убѣждаться, страстно любилъ военную службу; но для лицъ, недаренныхъ возвышеннымъ взглядомъ, любовью къ просвѣщенію, истиннымъ пониманіемъ дѣла, военное ремесло заключалось лишь въ несноснопедантическомъ, убивающемъ всякую умственную дѣятельность, парадированіи. Глубокое изученіе ремешковъ, правилъ вытягиванія носовъ, равненія шеренгъ и выдѣлываніе ружейныхъ приѣмовъ, коимъ щеголяютъ всѣ наши фронтовые генералы и офицеры, признающіе уставъ верховъ непогрѣшительности, служить для нихъ источникомъ самыхъ высокихъ, поэтическихъ наслажденій¹⁾. Ряды арміи постепенно наполняются потому лишь грубыми невѣждами, съ радостью посвящающими всю свою жизнь на изученіе мелочей военного устава; лишь это знаніе можетъ дать полное право на командованіе частями, что приносить этимъ личностямъ значительныя незаконныя матеріальныя выгоды..... Этотъ порядокъ вещей получилъ, къ сожалѣнію, полную силу и развитіе.....: не щадая ни усилій, ни средствъ для приведенія этой отрасли военного искусства до самаго высокаго состоянія. И подлинно, относительно равненія шеренгъ, выдѣлыванія темповъ, наша армія, безспорно, превосходитъ всѣ прочія. Но, Боже мой! каково большинство генераловъ и офицеровъ, въ коихъ убито стремленіе къ образованію, вслѣдствіе чего они ненавидятъ всякую науку? Эти бездарные невѣжды, истые любители изящной ремешковой службы, полагаютъ въ премудрости своей, что война, ослабляя прибрѣтенныя войскомъ въ мирное время фронтовья свѣдѣнія, вредна лишь для него. Какъ будто бы войско обучается не для войны, но исключительно для мирныхъ экзерцицій на марсовомъ полѣ. Прослуживъ не одну кампанію, и сознавая по опыту пользу строевого образованія солдатъ, я никогда не дозволю себѣ безусловно отвергать полезную сторону военныхъ уставовъ; изъ этого одного не слѣдуетъ, чтобы я признавалъ пользу системы, основанной лишь на обремененіи и притупленіи способностей изложеніемъ немовѣрнаго количества мелочей, не столько поясняющихъ, сколько крайне затемняющихъ дѣло. Я полагаю, что над-

¹⁾ Просимъ не забывать, что все здѣсь сказанное относится къ давнему времени, почти сорокъ лѣтъ тому назадъ. Въ настоящее время, въ виду извѣстныхъ реформъ по военному вѣдомству, подобные укоры не могутъ уже имѣть мѣста.

лежитъ весьма остерегаться того, чтобы начертаніемъ общихъ правилъ не стѣснить частныхъ начальниковъ, отъ большаго или меньшаго умственнаго развитія которыхъ должно вполне зависѣть приложеніе въ дѣлу изложенныхъ въ уставѣ правилъ. Надавать оковы на даровитыя личности и тѣмъ затруднять имъ возможность выдвинуться изъ среды невѣжественной посредственности—это верхъ безсмыслія. Такимъ образомъ можно достигнуть лишь слѣдующаго: бездарные невѣжды, отличающіеся самымъ узкимъ пониманіемъ дѣла, окончательно изгонять отовсюду способныхъ и просвѣщенныхъ людей, кои, либо удалятся со служебнаго поприща, либо, убитые безсмысленными требованіями, не будутъ имѣть возможности развиться для самостоятельнаго дѣйствія и безусловно подчинятся большинству. Грустно думать, что къ этому стремятся, не понимая истинныхъ требованій вѣка; какія заботы и огромныя матеріальныя средства посвящены на гибельное развитіе системы, которая, если продлится, надолго лишитъ Россію полезныхъ и способныхъ слугъ. Но дай Боже убѣдиться намъ на опытъ, что не въ одной механической формалистикѣ заключается залогъ всякаго успѣха! Мысль, что цѣлое поколѣніе воспитывается въ подобныхъ идеяхъ—ужасна; это страшное зло не уступаетъ, конечно, по своимъ послѣдствіямъ татарскому игу. Мыѣ, уже состарившемуся въ старыхъ, но несравненно болѣе свѣтлыхъ понятіяхъ, не удастся видѣть эпоху возрожденія Россіи. Горе ей, если въ тому времени, когда дѣятельность умныхъ и свѣдущихъ людей будетъ ей наиболѣе необходима, наше правительство будетъ лишь окружено толпою неспособныхъ и упорныхъ въ своемъ невѣжествѣ людей. Усиліе этихъ лицъ, недопускать до него справедливыя требованія вѣка, могутъ лишь ввергнуть государство въ рядъ страшныхъ золъ¹⁾.

Войска польскія, не умѣя объяснить себѣ поведеніе цесаревича, которое они приписывали не желанію рѣшить вопросъ миролюбивымъ путемъ, но лишь чувству робости, потеряли къ нему всякое довѣріе; съ утратой довѣрія—исчезло всякое къ нему повинненіе.

Меня увѣряли очевидцы, какъ поляки, такъ и русскіе, проживавшіе въ то время въ Варшавѣ, что послѣ выступленія на-

¹⁾ Эти вѣщія слова доблестнаго воина сказаны за двадцать лѣтъ до Севастопольскаго разгрома, пробудившаго Россію. Фед.

шихъ войскъ въ Виржбу, 17-го ноября можно было потушить народное волненіе въ самомъ городѣ; на другой день утромъ съ шестью баталіонами, къ вечеру того же дня—десятью баталіонами, но на слѣдующій день и 26,000 человекъ были бы уже недостаточны, тѣмъ болѣе, что въ городъ уже вступили нѣсколько мятежныхъ польскихъ полковъ, шляхетство и разная буйная сволочь, и тогда уже характеръ возстанія ясно обозначился. Это было весьма правдоподобно, ибо, какъ мы выше видѣли, Варшава заключала въ себѣ, еще 18-го ноября утромъ, не болѣе 4,500 чел. войска. Поляки утверждали, что оффиціальнѣйшій характеръ сношеній цесаревича съ временнымъ правительствомъ придалъ ему видъ законности, а изъявленное его высочествомъ полное согласіе на статьи, поднесенныя ему этимъ правительствомъ, равносильно торжественному признанію независимости царства польскаго. Они еще болѣе выводили подобное заключеніе изъ слѣдующаго: извѣстно, что цесаревичъ приказалъ нѣкоторымъ полковымъ командирамъ польскихъ войскъ (въ числѣ коихъ находился командиръ полка Кржинецкій и Гельгудъ, командовавшій одной пѣхотной бригадой): повиноваться уже не ему, а народному правленію; это приказаніе было вѣроятно дано его высочествомъ изъ опасенія измѣны сихъ полковъ и собственнаго плѣна. Какъ бы то ни было, но эти полки превзошли, напротивъ, всѣ прочіе въ ненависти къ русскимъ и въ стараніи раздуть по возможности пламя бунта. Присоединеніе этихъ полковъ къ войскамъ цесаревича могло возродить въ царствѣ новую Вандею; многія изъ лицъ, еще колебавшихся принять явное участіе въ возстаніи, отъ недостатка ли смѣлости, отъ убѣжденія ли, что 4,000,000-ое народонаселеніе не въ состояніи бороться съ 54-хъ-милліоннымъ, или отъ справедливаго опасенія, что благоденствіе края, доселѣ ограждаемое законами, будетъ замѣнено всеобщимъ разореніемъ вслѣдствіе буйнаго своеволія, не затруднились бы, можетъ быть, пристать къ намъ. Хотя эти лица, увидавъ, напротивъ, что цесаревичъ дозволилъ польскимъ войскамъ присоединиться къ мятежникамъ, и опасались висѣлицы, выставленной Лелевелемъ и всендзомъ Пулавскимъ, и хотя они оплакивали измѣненіе стараго порядка, но они не могли не объявить своихъ сочувствій къ народному дѣлу. Я предоставляю моимъ читателямъ вывести изъ всего сказаннаго свои собственныя заключенія; что же касается

лично меня, то я, какъ исключительно военный человѣкъ, не могу не надивиться слѣдующему обстоятельству: пренебреженію цесаревича захватить Замостьскую и Модлинскую крѣпости, которыя онъ бы могъ удержать за собой до прибытія нашихъ главныхъ силъ. Въ Модлинѣ находился малочисленный и неготовый къ оборонѣ гарнизонъ, коего часть, услыхавъ о возстаніи столицы, еще недоумѣвала на что рѣшиться, но большая его часть ничего еще о томъ не знала. Какъ много выиграли бы наши военные дѣйствія въ самомъ началѣ войны, если бы наши главные силы нашли эти крѣпости занятыми своими. Да не подумаютъ, что войскамъ, оставленнымъ въ этихъ крѣпостяхъ, предстояла какая-либо опасность со стороны противной арміи: Модлинъ былъ сильно укрѣпленъ и снабженъ всѣмъ необходимымъ. Что касается до обороны крѣпости, послѣ овладѣнія ею, то это не могло представлять намъ большихъ затрудненій, тѣмъ болѣе, что въ польской арміи не было ни одного осаднаго орудія; если бы она имѣла у себя нѣсколько такихъ осадныхъ парковъ, то и въ такомъ случаѣ она не рѣшилась бы отдалиться отъ Варшавы, куда ежеминутно ожидали прибытія нашей главной арміи. Диктатору пришлось бы потому ограничиться одной блокадой, которая, какъ извѣстно, зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ: осаждающіе, при первомъ извѣстіи о приближеніи нашей арміи, поспѣшили бы отступить къ Варшавѣ. Надо присовокупить, что цесаревичъ, отступая на Гуръ и Пулаву, могъ тѣмъ легче занять Замостье. Чтобы захватить Модлинъ ему надлежало, оставивъ Пулаву, слѣдовать почти мимо Прагскаго предмѣстья, откуда поляки, собравшіеся въ Варшавѣ, могли атаковать его; это могло подать поводъ къ битвѣ, чего цесаревичъ тщательно и явно избѣгалъ. Во всякомъ случаѣ ему надлежало достигнуть поспѣшнѣе Брестскаго шоссе, и тогда Модлинъ могъ бы быть легко занятъ нашими войсками. Сношенія цесаревича съ народнымъ правленіемъ приняли бы совершенно иной характеръ. Удержавъ за собой Модлинъ, мы могли господствовать надъ обоими берегами, что значительно облегчило бы нашей главной арміи атаку Варшавы, обнесенной лишь небольшимъ валомъ. Въ случаѣ, если бы мятежники рѣшились отдалиться отъ Праги, неимѣвшей еще предмостнаго укрѣпленія, мы могли бы дѣйствовать противъ нихъ съ фланга, съ тыла или наперерѣзъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ случаѣ поля-

ки не замедлили бы изъявить полную покорность. Занятіе нашими Замостья, не представляя для насъ тѣхъ же выгодъ, значительно способствовало бы успѣху войны. Это охранило бы Волынскую, Подольскую и Кіевскую губерніи отъ вторженія поляковъ и исчезли бы выгоды, доставляемыя имъ этою крѣпостью, которая находилась на прямѣйшемъ сообщеніи съ Галиціею, откуда поляки въ теченіе войны получали за деньги порохъ, оружіе и съѣстные припасы. Обмундированные, вооруженные и обученные военному ремеслу выходцы галиційскіе, соединившись со многими бѣглецами изъ Волыни, Подоли и Кіевской губерніи, отправлялись вдоль австрійской Галиціи, къ Завихвосту; перейдя здѣсь Вислу, они слѣдовали лѣвымъ ея берегомъ въ Варшаву. Обладаніе сей крѣпостью избавило бы насъ отъ необходимости ослабить нашу армію, которой во все время войны угрожали съ лѣваго фланга и почти съ тыла сперва Дверницкій, потомъ Хржановскій, находившіеся близъ Замостья; мы напались впоследствии вынужденными обезпечить свой лѣвый флангъ корпусами Крейца и Ридигера. Когда уже было явно, что Варшаву невозможно было усмирить 19-го поутру, мы могли выступить изъ Виржбы и, слѣдуя быстро съвозъ разбѣянные малочисленные мятежные отряды, достигнуть Замостья, отстоящаго отъ Варшавы въ 260 верстахъ, не болѣе какъ въ 8 дней. Если ореолъ власти, озарявшій цесаревича, померкъ уже въ самой Варшавѣ, то онъ былъ еще въ полномъ блескѣ въ отдаленныхъ краяхъ царства; внезапное прибытіе цесаревича съ войсками къ малосильному и ни о чемъ еще неизвѣщенному гарнизону, привывшему трепетать при одномъ словѣ его высочества, возымѣло бы на него сильное дѣйствіе, и, безъ сомнѣнія, ворота крѣпости тотчасъ бы растворились предъ нами. Мы, во всякомъ случаѣ, рисковали не многимъ; если бы намъ это предпріятіе не удалось, мы, подвергшись нѣсколькимъ выстрѣламъ изъ крѣпости, и пройдя съ небольшимъ милою, могли вступить въ свои предѣлы, но уже не въ Влодавѣ, а въ Устилугѣ. Въ началѣ декабря литовскій корпусъ, въ соединеніи съ войсками цесаревича и въ ожиданіи прибытія главной арміи находился бы уже на нашей границѣ. Надо сознаться, что цесаревичъ и его окружающіе совершенно растеряли головы.

Здѣсь представляется вопросъ: надлежало ли ожидать прибытія главной арміи или, соединившись съ литовскимъ корпу-

сомъ, что составило бы около 50,000 человекъ, тотчасъ открыть военныя дѣйствія противъ 30,000 польской арміи, еще не приведенной въ надлежащій порядокъ. Если бы въ литовскомъ корпусѣ офицеры и нижніе чины были коренные русскіе, тогда, безъ сомнѣнія, надлежало воспользоваться превосходствомъ нашихъ силъ надъ непріятелемъ, коего силы, будучи разсѣяны, не могли выдержать нашихъ ударовъ. На литовскій корпусъ, сформированный большею частью изъ уроженцевъ польско-россійскихъ губерній, невозможно было полагаться въ такомъ дѣлѣ, въ коемъ успѣхъ и неудача много зависѣли отъ перваго удара. Хотя отсрочка въ дѣйствіяхъ представляла много выгодъ полякамъ, способствуя полному развитію ихъ средствъ, но при взаимной неготовности обѣихъ враждующихъ сторонъ, она позволяла намъ одержать съ большею вѣроятностью рѣшительные успѣхи надъ непріятелемъ. Средства, коими могли располагать поляки, возрасли бы, безъ сомнѣнія, въ теченіе первыхъ трѣхъ мѣсяцевъ, но не далѣе, напротивъ, средства Россіи были, можно сказать, неистощимы. Основываясь на этомъ, было рѣшено съ нашей стороны отложить наступленіе до прибытія главной арміи.

Мы еще болѣе убѣдились въ пользѣ отсрочки изъ слѣдующаго: непостоянство поляковъ, коихъ увлеченіе и пылъ могли охладѣть; несогласія и споры, а можетъ быть и междоусобныя брани могли возникнуть среди многочисленнаго сборища людей, гдѣ господствовалъ духъ своеволія, столь враждебный мудрому единодержавію, умѣряемому лишь совѣтомъ свѣдущихъ, даровитыхъ и испытанныхъ мужей; лишь подобное единодержавіе было въ состояніи направить ихъ частныя усилія въ одной общей цѣли.

Теперь возникаетъ другаго рода вопросъ: если литовскому корпусу и войскамъ, приведеннымъ цесаревичемъ, надлежало воздержаться до прибытія главныхъ нашихъ силъ отъ наступленія, слѣдовало ли полякамъ до этого времени приблизиться къ мѣсту расположенія литовскаго корпуса. Хлопицкій воздержался отъ этого не потому, что польза этого движенія ускользнула отъ его проникательности, но потому лишь, что онъ ожидалъ спасенія Польши, легкомысленно начавшей кровавую борьбу съ Россіею, не отъ битвы, но отъ мирныхъ переговоровъ. Я только этимъ объясняю себѣ пренебреженіе Хлопицаго къ подобнаго рода дѣйствіямъ. Но неужели онъ надѣялся на успѣшный исходъ пере-

говоровъ, начатыхъ Любецкимъ и Озерскимъ? Оцѣняя по достоинству патриотизмъ Хлопицкаго, пожертвовавшаго своимъ честолюбіемъ высокому чувству истинной любви къ отечеству и клятвѣ, имъ уже произнесенной, я невольно вопрошаю себя: неужели надѣялся онъ, въ награду за обузданіе безначалія въ Варшавѣ, несогласіе на распространеніе мятежа въ польско-російскихъ губерніяхъ, что нашъ государь изъявитъ свое согласіе на предложенія, присланныя ему чрезъ депутатовъ? Эти предложенія, украшенныя выраженіями, исполненными вѣрнопоподаннѣйшихъ чувствъ, были въ сущности таковы, что русскій государь не могъ принять ихъ. Пятилѣтнее царствование императора Николая, обнаружившаго замѣчательную настойчивость, должно было открыть глаза Хлопицкому. Притомъ требованія его различествовали отъ требованій мятежниковъ лишь тѣмъ, что онѣ были облечены въ формы болѣе мягкія, тогда какъ требованія этихъ послѣднихъ были объявлены нагло и съ оружіемъ въ рукахъ. Въ сущности, требованія ихъ были однѣ и тѣ же, а потому уступка съ нашей стороны обличила бы въ насъ слабость и робость, коихъ мы въ себѣ нисколько не сознавали. Послѣ этого заблужденіе Хлопицкаго, пренебрегшаго принять мѣры къ скорѣйшему приготовленію себя для продолжительной борьбы на жизнь и смерть, и замедлившему развитіе всѣхъ необходимыхъ для того средствъ, въ надеждѣ на заключеніе выгоднаго съ Россією мира, непростительно. Жребій былъ брошенъ, и потому Хлопицкому надо было избрать одно изъ двухъ: либо не принимать на себя званія диктатора, и не вступая въ сношенія съ мятежниками, уклониться отъ участія въ возстаніи; либо принять это званіе съ явнымъ и рѣшительнымъ намѣреніемъ вести борьбу съ Россією до полного изнеможенія силъ. Это было бы по крайней мѣрѣ вполне согласно съ логикой; первая система могла возбудить противъ него ненависть и негодованіе поляковъ и подвергнуть его большой опасности; вторая же—должна была навлечь на него полное неблаговоленіе нашего государя. Но дѣлать было нечего; онъ долженъ былъ, принявъ на себя званіе диктатора, дѣйствовать рѣшительно въ пользу избравшихъ его, и не вѣрить въ возможность возстановленія мира въ самомъ разгарѣ войны, тѣмъ болѣе, что поляки, въ самомъ пылу справедливаго гнѣва государя, осмѣливались требовать, чтобы онъ пожертвовалъ для нихъ достоинствомъ и честью

своей имперіи. Едва ли самъ Хлопицкій въ минуты, когда онъ не увлекался несбыточными фантазіями, не отчаявался въ успѣхѣ начатаго дѣла. Итакъ, если Хлопицкій рѣшился захватить диктаторскую власть у временнаго правительства, то онъ долженъ былъ не замедлять и затруднять развитіе боевыхъ средствъ своего отечества, но, напротивъ, не падать усилій для успѣшнѣйшаго и скорѣйшаго вооруженія и образованія наибольшаго количества войскъ, чѣмъ насколько не помѣшало бы ему продолжать начатые мирные переговоры. Этому могло значительно содѣйствовать движеніе польской арміи къ нашей границѣ; она этимъ могла усиливаться вслѣдствіе побѣговъ, которые не могли не оказаться въ корпусѣ, состоявшемъ изъ ихъ соотечественниковъ. Такимъ образомъ, силы мятежниковъ при самомъ началѣ возстанія могли, независимо отъ резервовъ и поголовнаго оплченія, возрасти до 80,000 челоуѣкъ. Конечно, это предпріятіе могло не имѣть никакого успѣха, ибо въ теченіе войны литовскій корпусъ не измѣнялъ Россіи, но при всемъ томъ духъ этого корпуса былъ весьма ненадеженъ. Если этотъ корпусъ остался вѣрнымъ единожды принесенной имъ присягѣ, то это можетъ быть произошло отъ того, что онъ вошелъ въ общій составъ нашей арміи; этого бы не случилось, если бы онъ оставался въ одиночествѣ, порознь отъ нашей арміи, тѣмъ болѣе, что самъ Солтыкъ утверждаетъ, что третья часть офицеровъ принадлежала къ варшавскому патриотическому обществу. Это еще болѣе убѣждаетъ меня въ томъ, что Хлопицкому надлежало, двинувъ свою армію къ нашимъ границамъ, приказать немедленно своимъ офицерамъ и солдатамъ войти въ тайныя сношенія съ чинами литовскаго корпуса, который, безъ всякаго сомнѣнія, присоединился бы къ своимъ соотечественникамъ; онъ могъ бы, такимъ образомъ, появившись съ 80,000-ною арміею въ Бѣлоруссію, возбудить противъ насъ Литву, гдѣ онъ присоединилъ бы къ себѣ все мѣстное ополченіе. Примѣру Литвы послѣдовали бы Волынь, Подолия и Украина, обнаженные отъ нашихъ войскъ. Если бы оно не и сдилось, онъ не подвергся бы ни малѣйшей опасности; мы въ то время не могли еще ни угрожать его тылу, ни наступать на него спереди, тѣмъ болѣе, что литовскому корпусу было строго воспрещено до сосредоточенія всѣхъ нашихъ силъ на границѣ Польши предпринимать малѣйшее наступленіе впередъ. Въмѣсто всего этого, какой имѣли результатъ

благочестивыя побужденія Хлопицкаго? Миръ несостоялся и не могъ состояться, а когда надо было прибѣгнуть къ оружію, поляки не располагали для продолженія войны тѣмъ количествомъ войскъ, каковымъ они могли обладать; вмѣсто того, чтобы поддержать свои усилія присоединеніемъ литовскаго корпуса, возбужденіемъ къ возстанію Литвы, Бѣлоруссін, Волыни и Украйны, поляки были принуждены принять наши удары на свой щитъ, не будучи поддержаны жителями польско-россійскихъ губерній и имѣя уже противъ себя литовскій корпусъ.

VI.

Мы пришли теперь къ любопытному событію—къ паденію диктатора Хлопицкаго; хотя диктаторство его продолжалось около 40 дней, но оно имѣло рѣшительное вліяніе на весь характеръ военныхъ дѣйствій. Въ теченіе 42-хъ-дневнаго владычества своего, Хлопицкій былъ кумиромъ арміи и всего народонаселенія царства, но принятыя имъ строгія мѣры для прекращенія безначалія, явное его противодѣйствіе увеличенію военныхъ силъ и стремленіе къ прекращенію возникшаго между Россією и Польшей разрыва, не прибѣгая къ оружію, возстановили противъ него всѣ буйныя головы шляхетства, членовъ закрытыхъ имъ якобинскихъ клубовъ и тайныхъ обществъ, требовавшихъ рѣшительной независимости Польши. Но эта ненависть къ Хлопицкому, кипѣвшая пока втайнѣ, не смѣла еще нигдѣ явно обнаружиться. Но вскорѣ накопившаяся гроза разразилась. Коммиссія, учрежденная для составленія манифеста, поднесла его на утвержденіе надзирательной коммиссін; хотя эта послѣдняя коммиссія и утвердила его, но Хлопицкій возсталъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя показались ему слишкомъ возмутительны, и строго запретилъ обнаруживать столь непристойный актъ. Не взирая на запрещеніе, этотъ манифестъ, не скрѣпленный подписью Хлопицкаго, былъ тайно отлитографированъ и разосланъ по всему царству. Это обстоятельство усилило вражду между диктаторомъ и якобинцами, которые стали разглашать, что онъ измѣнникъ; а это, въ свою очередь, побудило Хлопицкаго увеличить національную стражу для подавленія недовольныхъ, если бы они вздумали явно возстать противъ правительства.

Къ этому времени, т.-е. 3-го января 1831 г. прибылъ изъ

С.-Петербурга, посланный туда курьеромъ, подполковникъ Величинскій, привезшій, между прочимъ, извѣстіе о движеніи нашей арміи къ границамъ царства и слѣдовательно о неизбежности войны. Онъ также привезъ отъ статсъ-секретаря польскихъ дѣлъ графа Грабовскаго официальное письмо на имя Хлопицкаго, коему были объявлены высочайшее благоволеніе за изъявленныя имъ вѣрноподанническія чувства и настоятельное требованіе о буквальный исполненіи всѣхъ статей прокламаціи, обнародованной его величествомъ царству польскому 6-го декабря. Диктаторъ, послѣшнѣ сообразивъ всѣхъ членовъ національной комиссіи, передалъ полученныя бумаги на ихъ обсужденіе. По мнѣнію меньшинства, надо было продолжать начатыя переговоры, и пользуясь тѣмъ, вознаградить потерянное время послѣшнимъ приведеніемъ въ порядокъ всѣхъ силъ до открытія военныхъ дѣйствій; большинство же требовало, чтобы немедленно атаковали литовскій корпусъ до прибытія русской арміи. Хлопицкій приказалъ созвать сеймъ къ 7-му января; хотя власть его видимо поколебалась, но враги его, не удовольствовавшись тѣмъ, рѣшились нанести ему окончательный ударъ. Тотчасъ послѣ удаленія членовъ національной комиссіи явились въ Хлопицкому члены надзирательной комиссіи, подъ предводительствомъ президента сената и маршала сейма. Хлопицкій, хладнокровно изложивъ имъ весь ходъ дѣлъ, указалъ на необходимость единства въ усиліяхъ, которое не могло имѣть мѣста при великомъ разногласіи въ мнѣніяхъ. Представивъ имъ несоразмѣрность матеріальныхъ средствъ Польши относительно силъ, коими могла располагать Россія, онъ предложилъ принять безусловно всѣ статьи, изложенныя въ вышесказанной прокламаціи его величества; это возбудило общее негодованіе всѣхъ членовъ, которые осыпали упреками Хлопицкаго, сказавшаго имъ съ твердостью: «Если ваша совѣсть дозволяетъ вамъ разрывать узмы вл�твѣ, данныхъ вами законному государю, я васъ съ тѣмъ поздравляю; я не измѣню своихъ правилъ, и все, что я дѣлаю здѣсь, я дѣствую лишь именемъ царя моего Николая». Хлопицкій подписалъ, такимъ образомъ, приговоръ своей власти; члены комиссіи послѣшнѣ объявить ему, что онъ уже болѣе не диктаторъ. Въ отвѣтъ на это Хлопицкій закричалъ въ изступленіи: «Я самъ слагаю съ себя диктаторство и обвиняю всѣхъ васъ въ яacobинствѣ, въ воз-

бужденіи народа и войска къ безначалію, и чрезъ это въ вовлеченіи отечества въ неминуемую гибель».

Когда умы нѣсколько успокоились, Чарторижскій сдѣлалъ Хлопицкому слѣдующее предложеніе, облеченное въ весьма ласковыя формы: «Мы надѣемся, генераль, что вы, по крайней мѣрѣ, не откажетесь принять на себя командованіе арміей».

— «Ни за что, гнѣвно закричалъ Хлопицкій: будь я шельма, если приму какое-либо начальство, но какъ вѣрный сынъ отечества, я готовъ жертвовать жизнью на полѣ брани!»

Тѣмъ заключилось диктаторство мужественнаго Хлопицкаго, доказавшаго любовь свою къ отечеству своею сорокалѣтнею боевою службою и ранами, полученными на поляхъ чести. На концѣ своего поприща, Хлопицкій, будучи временною глагою Польши, и желая спасти свое отечество отъ угрожавшихъ ему бѣдствій, избралъ дѣль мечтательную, которая не могла спасти поляковъ. Этотъ патриотъ, при всемъ желаніи блага своей родинѣ, причинилъ дѣлу, ему ввѣренному, едва ли не болѣе зла, чѣмъ самый коренной россиянинъ, которому было бы поручено потушить возникшій противъ Россіи мятежъ. Онъ принесъ за то нашему дѣлу едва ли не большую пользу, чѣмъ самъ Дибичъ во все время начальствованія его арміею. Это фактъ неопровержимый. При всемъ томъ никто не смѣлъ подозрѣвать его въ измѣнѣ; хотя Хлопицкій былъ лишентъ диктаторской власти, но, будучи убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла, онъ ходилъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и круглой шляпѣ, смѣло и бодро. Чернь и войска смотрѣли съ благоговѣніемъ на сѣдины сего маститаго воина, не разъ отличавшагося подвигами мужества; почитая себя вполне правымъ, онъ, можно сказать, заблуждался. Умственные способности его далеко не соответствовали возвышенности его чувствъ.

Послѣ его паденія государь не переставалъ напоминать возмутителямъ о забытомъ ими долгѣ, но въ отвѣтъ на это пламя мятежа и вражды къ Россіи все болѣе и болѣе распространялось по царству.

Независимо отъ отлично обученной 30,000-й арміи, рядовые, получившіе отставку лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, и множество волонтеровъ, возвысили численность арміи, которая усилилась до 80,000 чел.; кромѣ того, образовалась 9,000-ная резервная армія; многіе магнаты и помѣщики, въ числѣ коихъ нахо-

дѣлись въ окрестностяхъ Остроленки — Харадецкій, Сѣдлеца — Кучинскій и Кушель, Ломжи — Уланъ, Люблина — Яросовскій, Варшавы — Замойскій, возбуждая крестьянъ своихъ въ возстанію, вооружали на свое иждивеніе эскадроны, баталіоны, отряды, исключительно предназначенные для партизанскаго рода службы.

Одно Августовское воеводство выставило въ теченіе 10 дней 5,000 вооруженныхъ всадниковъ, Варшава—1 полкъ пѣхоты и 1 полкъ кавалеріи ¹⁾, и т. д.; буйная молодежь Познани и Галиціи, оставивъ дома родителей, университеты и ремесла, коими она занималась, спѣшила въ Варшаву. Въ теченіе 15-ти-лѣтняго владычества Россіи арсеналы царства были снабжены оружіемъ, изготовленнымъ на російскихъ оружейныхъ заводахъ; народное правленіе приказало спѣшить выдѣлкой оружія на литейныхъ и оружейныхъ заводахъ Варшавы, Кракова и окрестностей Кельца, возвести прагское предмостное укрѣпленіе, усилить оборону Модлина и Замостья, и окружить Варшаву внѣшними укрѣпленіями. Пороховой заводъ въ Краковѣ былъ увеличенъ, и устроенъ новый въ Мармонтѣ. Магнаты, шляхетство и духовенство внесли 120 милліоновъ ²⁾ руб.; наконецъ новое правительство стало возбуждать нравственныя силы поляковъ разными ложными обнародованіями о помощи Франціи и Англіи и о скоромъ прибытіи союзныхъ флотовъ и армій на театръ военныхъ дѣйствій. Поляки вѣрили всему этому, не понимая, что Англія никогда не станетъ проливать крови своей въ порывѣ политической чувствительности и что для Франціи, какъ въ то время выразился Себастьяни, нужны были 20-ти-лѣтній рядъ военныхъ чудесъ и Наполеонъ, чтобы проложить себѣ путь черезъ Германію въ Польшу. Франція ограничилась высылкой графа Монтебелло, сына славнаго маршала Ланна, и полковника Ромарино. Я почитаю излишнимъ упоминать здѣсь о Лангермонѣ, Сюарѣ, Галлуа и другихъ безконечно малыхъ.

Первая забота сейма, открывшагося 7-го января, состояла въ томъ, чтобы избрать главнокомандующаго. Недостатокъ въ способныхъ генералахъ былъ столь великъ, что сеймъ внесъ въ число кандидатовъ нѣсколько молодыхъ штабъ-офицеровъ. Генераль Вейсенгофъ былъ человекъ лишенный опытности и дарованія; полковникъ Шембекъ, пользовавшійся покровительствомъ яко-

¹⁾ Смотри Солтыка.

²⁾ Смотри Солтыка.

Д. Д.

Д. Д.

бинцевъ, былъ человекъ умный, но не умѣвшій распоряжаться большими массами войскъ; генералъ Круковецкій, истинный представитель характера польской націи—дерзкій, хвастливый и надменный, но хитрый и искательный, когда того требовали обстоятельства, желалъ провозгласить себя диктаторомъ, но онъ былъ неспособенъ ни къ военному, ни къ гражданскому дѣлу. Генералъ Паць ¹⁾, также любимый якобинцами, человекъ красивой наружности, отличался ограниченнымъ умомъ, нерѣшительностью и весьма небольшими свѣдѣніями. Въ числѣ кандидатовъ находились: кн. Михаилъ Радзивиллъ и Серженецкій. Князь Радзивиллъ былъ избранъ восемью голосами главнокомандующимъ; при избраніи своемъ онъ объявилъ, что готовъ передать власть и званіе тому изъ генераловъ, который въ теченіе войны окажется достойнѣйшимъ; наибольшее число голосовъ послѣ него получилъ—Паць. Выборъ Радзивилла, бывшаго уже полковникомъ въ 1807 году во время осады Данцига, и съ того времени неслыхавшаго боевого выстрѣла, удивилъ многихъ, но онъ объясняется слѣдующимъ образомъ: этотъ Радзивиллъ былъ роднымъ братомъ кн. Антонія Радзивилла, родственника королевы прусской и бывшаго въ то время намѣстникомъ Познанскимъ. Хлопицкій, еще до избранія Радзивилла, сказалъ членамъ сейма, что безъ сомнѣнія кн. Антоній, по дружбѣ своей къ брату, не откажется помогать ему. Итакъ, избраніемъ Радзивилла члены сейма думали, сдѣлавъ угодное королю прусскому, привлечь къ себѣ, если не Пруссію, то намѣстника ²⁾ познанскаго, близкаго и единокровнаго имъ сосѣда.

Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ ошиблись они и въ томъ, и въ другомъ предположеніи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ У Паца былъ богатый домъ въ Вильнѣ, на которомъ была сдѣлана слѣдующая надпись. «Палацо варто (достоня) Паца, Паць варто Палацо».

Д. Д.

²⁾ Я самъ видѣлъ въ 1807 г. кн. Антонія Радзивилла въ нашей главной квартирѣ; онъ былъ тогда преданъ дѣлу, за которое стояли Пруссія и Россія противъ Наполеона, у котораго, въ числѣ польскихъ войскъ, служилъ въ то время кн. Михаилъ, о коемъ идетъ здѣсь рѣчь.

Д. Д.